

Сергей Свой

**История
Спартака - 1.
Цикл - "Герои
древнего
Мира"**

18+

Сергей Свой

**История Спартака – 1. Цикл
– «Герои древнего Мира»**

«Автор»

2026

Свой С.

История Спартака – 1. Цикл – «Герои древнего Мира» /
С. Свой — «Автор», 2026

Спартак был иногда как один из героев для последователей 3-го интернационала. О его восстании все большевики писали и говорили. Но ...
Внимание ! Спартак - это наш, российский подполковник. И (бедные сенаторы Рима) он ... А, впрочем, будет интересно - прочтите сами о гениальном вожде времен Древнего Рима, который надрал всем консулам задницу! Эта история - в 3-х томах.

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2: Каменный мешок и стальные нервы	7
Глава 3: Гора стали и воли	17
Глава 4: Пламя и мечты на краю кратера	23
Глава 5: Тень орла и зов крови	29
Глава 6: Раскол и первый гром легионов	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Свой

История Спартака – 1. Цикл – "Герои древнего Мира"

Пролог

Моросящий осенний дождь заливал Минское шоссе. Алексей Вяткин, отставной подполковник, крепко сжимал руль своего старенького внедорожника. В голове – привычный ветеранский сумбур: надо было вчера вывезти с дачи последние ящики, встретиться с сослуживцем, заскочить в магазин за краской для забора. Вечная спешка, вечный аврал мирной жизни, которую он до сих пор не научился проживать медленно.

Он прибавил скорости, обгоняя фуру. Дача всего в сорока минутах езды. В мыслях уже составлял список дел. Разгрузить вещи, проверить замки, может, даже баньку затопить...

Раздался глухой, резиновый хлопок, похожий на выстрел. Машину резко повело влево, в сторону встречной полосы. Лопнула передняя крышка. Рефлексы, отточенные в горах Чечни и на разбитых дорогах, сработали быстрее мысли. Руки сами вывернули руль на снос, чтобы стабилизировать автомобиль.

Но он не увидел в зеркало, как из-за той же фуры на встречу уже выезжал огромный «КАМАЗ» с прицепом, водитель которого отчаянно давил на клаксон.

Алексей успел подумать лишь одну, странно спокойную мысль: «Ну вот, блин. Неудачный день». А потом мир взорвался в стекле, металле и всепоглощающей, абсолютной темноте, где не было ни боли, ни звуков, ни самой дачи.

--

Глава 1

Первым вернулось чувство. Не зрение, не слух, а ощущение. Тяжесть. Ломота во всем теле, будто его переехал тот самый КАМАЗ. Но это была иная ломота – не от травм, а от изнурительной, долгой усталости мышц, знакомой после многодневных марш-бросков. Он лежал на чем-то жестком и холодном – каменном, пахнущем сыростью, мочой и потом.

Мысли пугались, пытаясь собраться в кучу. Скорая? Больница? Почему так холодно и темно?

Он попытался открыть глаза. Ресницы слиплись. Медленно, с усилием, веки разлепились.

Над ним был не белый потолок палаты, а грубо отесанный каменный свод, по которому ползли тени от где-то горящего факела. Воздух был густым, спертым. Он лежал на голом каменном полу узкой каменной камеры. Его тело... его тело было другим. Оно было плотным, мускулистым до боли, покрытым старыми шрамами и свежими ссадинами. На запястьях и лодыжках горели тяжелые, намертво вкованные железные кольца с короткими цепями, приклепанными к стене.

Паника, острая и животная, ударила в виски. Где я? Плен? Чечня? Но нет, это было не так. Это было... древнее. Примитивное.

Дверь в камере – тяжелая решетка из толстых деревянных брусьев – с лязгом отворилась. В проеме возникла фигура в простом тунике, грузный мужчина с бычьей шеей и плетью в руке. Надзиратель. Его маленькие глазки с презрением окинули лежащего.

– Эй, фракиец! Выпался? – голос был хриплым, привыкшим кричать. – На арену пора. Вставай, пока я тебе ноги не перебил!

Алексей, вернее, его сознание, застрявшее в этом чужом, могущем теле, попыталось что-то сказать. Из горла вырвался лишь хрип. Он попробовал приподняться на локтях, цепи звякнули.

Надзирателю, видимо, показалось, что это слишком медленно. Он шагнул вперед, и его грубая, мозолистая ладонь со всей дури врезалась по лицу лежащего.

ЩЁЛК!

Звук удара отозвался в черепе гулким эхом. Боль, яркая и жгучая, пронеслась по щеке. Но вместе с болью в сознании Алексея Вяткина что-то щелкнуло, встало на свои места. Инстинкт пересилил шок.

Тьма перед глазами сменилась красным туманом ярости. Не той, что ослепляет, а холодной, сконцентрированной яростью солдата, которого ударил противник. Тело, еще секунду назад вялое, отозвалось само. Мускулы напряглись, как тросы. Цепи натянулись.

Его глаза, теперь ясные и ледяные, поднялись и встретились с глазами надзирателя. В них не было ни страха, ни замешательства, ни даже вопроса. В них была лишь бездонная, спокойная жестокость и безошибочное понимание ситуации.

Надзиратель, ожидавший увидеть привычный страх или покорную злобу, отшатнулся. Он увидел в этом взгляде что-то совершенно новое и смертельно опасное.

Алексей медленно, с достоинством, которого не было здесь секунду назад, провел тыльной стороной ладони по рассеченной губе. Посмотрел на кровь. А потом перевел этот взгляд обратно на надзирателя.

Он еще не знал, где он, кто он и что происходит. Но он уже точно знал, что будет дальше. Началась война. И первый враг уже стоял перед ним.

Глава 2: Каменный мешок и стальные нервы

Удар был точным, болезненным, унижительным. Но что важнее – он стал идеальным триггером. Последние когнитивные искажения, туман между сознанием Алексея Вяткина и нейронными путями фракийского тела, рассеялись в одно мгновение под адреналиновым всплеском. Боль была якорем, брошенным в бурное море двойственных воспоминаний. Теперь он ощущал всё с пугающей четкостью.

Два потока памяти сливались в один.

· Алексей Вяткин, 48 лет. Отставной подполковник. Чечня. Вторая чеченская. Город Грозный, районы Старопромысловский, Черноречье. Зачистки, засады, минирование, бои в разрушенных цехах. Знание уставов, тактики роты и взвода, инженерной подготовки, основ минно-подрывного дела. Прагматизм, доходивший до цинизма. Умение принимать решения под огнём, когда цена ошибки – жизни твоих ребят. И да, химия. Не университетский курс, а практические навыки выжимания из подручного дерьма того, что горит, взрывается или отравляет. Палить бензовозы террористов – та еще задача.

· Спартак, фракиец из племени медов, 30 лет (примерно). Свободнорождённый воин, попавший в плен к римлянам, возможно, даже служивший у них во вспомогательных войсках, а затем обращённый в рабство за дезертирство или бунт. Ярость. Гордость. Океан обиды и жажда свободы, перемешанные с мастерством владения мечом, копьем, щитом. Физическая мощь, выносливость зверя и инстинктивное понимание рукопашной схватки.

Этот синтез занял микросекунды. Взгляд, которым новый Спартак смерил надзирателя, был взглядом командира, оценивающего неугодного и глупого подчинённого, который только что совершил фатальную ошибку.

Надзиратель, человек по имени Марк, отступил ещё на шаг. Он видел, как били гладиаторов сотни раз. Видел страх, злобный блеск в глазах, покорность. То, что он увидел сейчас, не укладывалось в его понимание. Это был холод. Абсолютный, безэмоциональный холод, как в глубоком колодце. И в глубине этого колодца мерцала уверенная, почти скучающая готовность к убийству.

– Ты... что уставился, свинья фракийская? – попытался взять себя в руки Марк, повышая голос, чтобы заглушить внезапную неуверенность. Он щёлкнул плетью. – Встал, когда тебе говорят! Ланиста ждёт на тренировочной арене!

Спартак (отныне будем звать его так) медленно, с почти демонстративным спокойствием, поднялся. Цепи на запястьях и лодыжках звякнули, но движение было плавным, наполненным скрытой силой. Он был выше Марка на полголовы, шире в плечах. Шрамы на его торсе, видимые под грязной повязкой на бёдрах, рассказывали истории куда интереснее, чем любая биография.

– Ключ, – произнёс Спартак. Его голос был низким, хриловатым от недавнего молчания и жажды, но абсолютно твёрдым. В нём не было просьбы. Это был приказ. Тон, которым старлей может отчитать провинившегося рядового, а генерал – отдать распоряжение о наступлении.

Марк аж подпрыгнул от наглости. Его лицо побагровело.

– Ключ?! Да я тебя сейчас...

– Ключ от ошейника и цепей, – перебил его Спартак, не повышая голоса. Он сделал шаг вперёд, насколько позволяла цепь, прикованная к стене. Расстояние между ними сократилось до метра. – Потом проведешь к ланисте. И будешь молчать.

В глазах Марка мелькнула животная, примитивная злоба. Страх перед непонятным сменился привычной яростью рабовладельца, чьё достоинство задела. Он был силен, бил наотмашь, забивая насмерть непокорных рабов. Для него этот фракиец был ещё одним дерзким скотом, которого нужно сломать.

Плеть со свистом взметнулась в воздух, летя к лицу.

Она не достигла цели.

Рука Спартака рванулась вперёд с неестественной, рефлекторной скоростью. Не чтобы уклониться – чтобы поймать. Железное кольцо на запястье звякнуло о кожаную рукоять. Пальцы, привыкшие сжимать и автомат, и рукоять гладиуса, сомкнулись мертвой хваткой.

Марк ахнул от неожиданности и попытался дёрнуть плеть на себя. Она не шелохнулась, будто вросла в камень.

В следующее мгновение Спартак сделал резкое движение на себя. Марк, не ожидавший такой силы, не удержал равновесия и полетел вперёд, прямо на вытянутую, как железный лом, руку фракийца.

Удар ребром ладони под основание носа раздался с отвратительным хрустом. Не классический удар из самбо или карате, а адаптированный под текущую ситуацию: короткий, жёсткий, с использованием веса и инерции противника. Марк даже не вскрикнул. Он издал булькающий, захлёбывающийся звук и рухнул на колени, из разбитого носа хлынула кровь. Его глаза закатились, сознание уплыло.

Спартак не стал его добивать. Это было бы глупо. Убийство надзирателя в камере, будучи прикованным, – билет на крест, причём самый мучительный. Но и оставлять его в сознании было нельзя.

Он наклонился, быстро и профессионально ошупал шею и голову Марка. Сотрясение, перелом носа, но череп цел. Минуты три-четыре простоя. Этого хватит.

Его пальцы привычным движением нашли на поясе надзирателя связку ключей – грубые железные изделия разной величины. Среди них должен быть... Да. Небольшой ключ с кольцом. Ключ от наручников и ошейников.

Щёлк. Щёлк. Ещё два щелчка на лодыжках. Железные оковы с грохотом упали на каменный пол. Спартак распрямился, впервые за долгое время (или за время этой жизни?) ощутив свободу движения. Он вздохнул полной грудью, игнорируя боль в мышцах и свежую боль в щеке.

Первая задача выполнена: освобождение из непосредственного плена. Вторая задача: разведка и оценка обстановки.

Он быстро обыскал бесчувственного Марка. Плеть – оружие. Небольшой заточный нож за голенищем – инструмент и оружие. Кошелек с парой медных монет – бесполезно сейчас. Ключи – ценно.

Спартак вышел из камеры в узкий, слабо освещённый факелами коридор. Воздух здесь был немного свежее, но пахнул тем же – потом, страхом, металлом и смертью. По обе стороны тянулись такие же решётчатые двери. За некоторыми слышались храп, стоны, за другими – приглушённый шёпот.

Его собственная память (память фракийца) начала выдавать информацию, как всплывающие подсказки. Школа Лентула Батиата в Капуе. Одна из крупнейших. Тренируют гладиаторов для игр по всей Кампании. Ланиста – хозяин, бывший гладиатор, хитрый и жестокий. Охрана: надзиратели, как Марк, вооружённые мечами и копьями ветераны у главных ворот. Всего рабов-гладиаторов... больше семидесяти. Возможно, около сотни.

Сотня. Почти рота, но и взвод – очень даже неплохо. Сто отборных мужчин, каждый из которых умеет драться и убивать. Не солдат, но потенциальный костяк ударной группы. Проблема: они разобщены, запуганы, мыслят категориями индивидуального выживания, а не коллективного действия. Дисциплины ноль. Мотивация... Мотивация может быть только одна.

Спартак двинулся по коридору, шагая уверенно, но беззвучно, как на патрулировании в ночном Грозном. Он прислушивался.

...глупый галл, Красс всё равно задавит... – доносилось из одной камеры.

...завтра на тренировке я убью того самнита, слышишь...

...мать моя... увидеть бы хоть раз ещё солнце...

На разных языках. На латыни, на греческом, на галльском, на его родном фракийском. Отчаяние, злоба, тупое смирение.

Он остановился у одной из дверей, откуда не доносилось ни звука. Заглянул внутрь. В углу, на соломе, сидел массивный галл с огненно-рыжими волосами и мрачным, как грозовая туча, лицом. Он что-то яростно точил куском камня о железный прут, выломанный, видимо, из старой решётки. Его глаза, голубые и холодные, поднялись на Спартака. В них не было ни страха, ни интереса, лишь привычная враждебность ко всему миру.

Крикс. Память подсказала имя. Галл. Один из лучших бойцов. Дерзкий, вспыльчивый, смертельно опасный. И так же смертельно несговорчивый.

Спартак не стал ничего говорить. Он просто посмотрел на Крикса тем же оценивающим, командным взглядом. Задержал взгляд на секунду, увидел, как в глазах галла мелькнуло удивление, сменившееся настороженностью. Затем кивнул – коротко, почти незаметно – и пошёл дальше.

Следующая камера. Здесь было двое. Высокий, жилистый галл с длинными волосами (Эномай) и коренастый германец с лицом, изуродованным шрамом (Ганник?). Они тихо о чём-то спорили, но замолчали, увидев тень у решётки.

– Спартак? – тихо спросил Эномай. – Ты как? Марк приходил, он...

– Марк спит, – просто сказал Спартак. Его голос в тишине подземелья прозвучал громко и чётко. – У него сломан нос.

В камере повисло изумлённое молчание.

– Ты... убил его? – прошептал германец, и в его голосе звучала смесь надежды и ужаса.

– Нет. Он проснётся. И будет очень зол.

Эномай вскочил, подошёл к решётке.

– Тогда зачем? Он приведёт других! Тебя распнут на стене двора!

– Они попробуют, – согласился Спартак. В его тоне не было бравады. Констатация факта. – Но сначала мне нужно поговорить с тобой. И с ним. И с рыжим галлом в конце коридора. Со всеми, кто устал точить прутья о камень и мечтать убить одного-двух, прежде чем тебя самого прикончат на песке.

– О чём говорить? – буркнул германец. – Толку-то?

– О том, как выйти отсюда не по одному на арену, а все вместе. О том, как не просто сбежать, а уйти так, чтобы сжечь эту школу дотла и перерезать глотки всем, кто встанет на пути. О том, как стать не стаей загнанных псов, а армией.

Он говорил тихо, но каждое слово падало, как молот на наковальню. Эномай замер, вглядываясь в его лицо.

– Ты говоришь не как Спартак. Ты говоришь... как римский центурион на смотре.

– Римские центурионы проигрывают сражения, – парировал Спартак. – Я предлагаю выиграть войну. Заинтересовало?

В этот момент с конца коридора донёсся шум. Грубые голоса, лязг оружия. Двое других надзирателей, обеспокоенные отсутствием Марка, шли с проверкой.

Спартак не дрогнул.

– Подумай, – бросил он Эномаю. – Решение нужно принять до заката.

Он развернулся и пошёл НАВСТРЕЧУ надзирателям, а не от них. Его осанка, его шаг – всё выдавало в нём не беглого раба, а человека, имеющего право здесь находиться. Он даже не спрятал окровавленный нож Марка, зажав его в ладони лезвием вдоль предплечья.

Надзиратели, дюжие мужчины в потёртых туниках с дубинами у пояса, округлили глаза.

– Ты... как ты... Где Марк? – булькнул первый.

– Марк у ланисты, – без тени смущения ответил Спартак. – Послал меня привести вас. Срочное дело.

– Какое дело? – второй надзиратель нахмурился, его рука потянулась к дубине.

– Не мне вас учить, – холодно сказал Спартак, делая шаг вперёд, сокращая дистанцию до опасной. – Ланиста не любит, когда его заставляют ждать. Особенно из-за таких... – он бросил уничижительный взгляд на их дубины, – ...мелочей.

Его абсолютная, несокрушимая уверенность ошеломила их. Они привыкли к рабам, которые опускают глаза, съёживаются, бормочут. Этот же смотрел на них как на досадную помеху. И в его руках... это кровь? Надзиратели переглянулись. Если Марк и правда у ланисты, а они задержатся...

– Ладно, веди, – буркнул первый, всё ещё с подозрением.

Спартак кивнул и прошёл между ними, повернувшись к ним спиной – немыслимая дерзость для раба. Он вёл их по коридору, но не к выходу на тренировочный двор, а в сторону глухого угла, где хранился инвентарь – ржавые цепи, сломанные телеги, кучи тряпья.

– Куда это? – зарычал надзиратель сзади.

– Сюда, – сказал Спартак, останавливаясь и поворачиваясь к ним. Его лицо было спокойным. – Марк здесь.

Он откинул край грязного брезента. Под ним, в луже собственной крови, лежал бледный, с разбитым лицом Марк.

У надзирателей не было времени среагировать. Первый ещё только открывал рот для крика, когда рука Спартака, держащая нож, описала короткую, сокрушительную дугу. Лезвие вошло под углом под основание черепа первого надзирателя, перерезав спинной мозг. Тот рухнул без звука.

Второй надзиратель, отпрянув, с рёвом вытащил дубину. Но Спартак был уже в его зоне досягаемости. Он не стал бить ножом – слишком рискованно в ближнем бою против дубины. Вместо этого он сделал резкий шаг вперёд, левой рукой блокируя замах, а правой, все ещё сжимающей нож, нанёс мощный апперкот рукоятью в солнечное сплетение. Надзиратель ахнул, потеряв воздух. Следующий удар – ребром ладони в горло – добил его. Он упал, хрипя и хватая ртом воздух, которого не мог вдохнуть.

Тишина. Только тяжёлое дыхание Спартака. Два трупa. Ещё три-четыре минуты до общей тревоги, если повезёт.

Он быстро обыскал тела. Ещё два ножа, две дубины, ключи. Мелочь. Главное – оружие.

Спартак поднял голову. Из ближайших камер на него смотрели десятки глаз. Шёпот пронёсся по коридору, как ветер по степи. Они видели. Все видели, как он за несколько секунд убил двух вооружённых надзирателей. В их взглядах был уже не просто страх или удивление. Был трепет. Было пробуждение чего-то древнего и забытого – надежды.

Он подошёл к камере Эномая и вставил ключ в замок. Скрип железа прозвучал громче грома.

– Ты спросил, о чём говорить, – сказал Спартак, распахивая дверь. Он протянул Эномаю дубину и нож. – Вот о чём. Первый шаг. Освобождай своих и иди за мной. Или оставайся ждать, пока придут другие.

Эномай, сжимая дубину, вышел из камеры. Его глаза горели.

– Куда идти?

– Найти оружейную клеть. Захватить всё, что горит. Потом – к воротам.

Рыжий Крикс, услышав шум, уже стоял у своей решётки, сжимая в руках заточенный прут.

– Фракиец! Ты это затеял? – его голос был полон вызова.

– Я, – коротко ответил Спартак, подходя к его двери. – Выходи. Поможешь или помешаешь – решай сейчас.

Крикс оскалился.

– А если помешаю?

– Тогда ты станешь первой потерей в этой войне, галл. Но я даю тебе выбор: умереть рабом в этой дыре или пойти со мной и, возможно, умереть свободным, но с оружием в руках и десятками римлян под ногами.

Они измеряли друг друга взглядами – холодная ярость галла против стальной воли фракийца. Крикс первым опустил глаза. Не от страха. От признания. Он кивнул.

– Ломай эту чёртову дверь.

Двери одна за другой скрипели и распахивались. В коридор выходили гладиаторы – галлы, германцы, фракийцы, сирийцы, греки. Они были измождены, испуганы, ошеломлены. Но в их руках теперь было оружие – ножи, дубины, заточенные железки. И они смотрели на одного человека – на высокого фракийца со шрамом на щеке и глазами полководца.

Спартак поднял окровавленный нож.

– Слушайте все! – его голос, усиленный акустикой коридора, прокатился гулким эхом. – Сейчас мы идём на двор. Там охрана. Их меньше, но у них мечи, копья и доспехи. У нас – ярость и нечего терять. Мы действуем не как толпа. Мы действуем как один кулак. Кто умеет обращаться с сетью и трезубцем – вперёд, будет первым рядом. Кто силён со щитом – за ними. Кто быстр с ножом – по флангам. Не лезть на копья! Окружать, бить по ногам, заходить сзади! Поняли?!

Они смотрели на него, не до конца понимая, но уже ловя его тон, его командирскую интонацию, не терпящую возражений.

– Крикс, возьми левый фланг. Эномай – правый. Я – центр. Идём тихо до выхода. По моей команде – крик, какого Рим не слышал, и вперёд. Цель – не перебить всех, а прорваться к воротам и выломать их. Ведите своих!

Он не спрашивал, согласны ли они. Он отдавал приказы. И в их состоянии шока и внезапной свободы это был единственный язык, который они могли понять.

Толпа, ещё минуту назад бывшая сборищем индивидуалистов, неуверенно, но начала перестраиваться. Ретиарии с импровизированными сетями из тряпок и веревок выдвинулись вперёд. Кто-то поднял с земли деревянный щит, забытый надзирателями.

Спартак повёл их по коридору к свету в конце – к выходу на тренировочный двор школы Лентула Батиата. Его сердце билось ровно и сильно. Первая операция начиналась. Тактическая задача: прорыв из локации. Стратегическая цель: выжить и создать ядро сопротивления.

Он шагнул в свет полуденного солнца. За его спиной, сбившись в подобие строя, двигались семьдесят девять будущих солдат первой в истории армии, которой предстояло потрясти Рим до основания. И вёл их уже не просто Спартак, фракийский раб. Вёл их Алексей Вяткин, и для него эта грязная, пропахшая кровью и страхом школа была всего лишь очередным негостеприимным городком, который предстояло зачистить.

На дворе, лениво прислонившись к стене у колодца, трое охранников в кольчугах и с гладиусами у пояса поднимали кожаный бурдюк с водой. Увидев выходящую из темноты вооружённую толпу рабов во главе с окровавленным гигантом-фракийцем, они замерли на секунду в полном недоумении.

Этой секунды хватило.

Спартак вскинул руку и коротко, отрывисто, как на учениях, крикнул:

– ВПЕРЁД! ЗА СВОБОДУ!

Рёв, вырвавшийся из семидесяти девяти глоток, был слышен, наверное, на другом конце Капуи. Это был не просто крик. Это был выплеск всей боли, унижения и ярости, копившихся годами. И он нёсся на крыльях неистовой, дикой надежды.

Первый шаг к легенде был сделан.

Рёв был осязаем. Он ударил в каменные стены двора, отскочил и обрушился на трёх охранников, как физическая волна Их лица, за секунду до того выражавшие сонное недоуме-

ние, исказились ужасом. Это был не просто крик рабов. Это был звук сорвавшейся с цепи первобытной стихии, направляемой чьей-то железной волей.

Но хаос не был тотальным. Уже в первые секунды проявился замысел Спартака.

Первая фаза: Ошеломление и ближний бой.

Трое ретиариев, бывших в «первом ряду» по его приказу, не побежали толпой. Они рванули вперёд короткими, быстрыми перебежками, как и делали это на арене. Их импровизированные сети – сплетённые из окровавленных бинтов и обрывков верёвок – взметнулись в воздух. Одна накрыла голову и плечи ближайшего охранника, запутав его руки, пытавшиеся выхватить гладиус. Охранник взревел, потеряв равновесие. Этого было достаточно. Спартак, который двинулся сразу за сетчиками, был рядом. Он не стал использовать нож. Он прошёл мимо, и его мощный кулак в железном кольце (которое он так и не снял с запястья) со всего размаха врезал охраннику в висок. Тот рухнул беззвучно.

Второй охранник успел вытащить меч. Он отшатнулся от летящей сети и принял стойку, крича что-то о помощи. Против него были Крикс и двое галлов. Крикс, с его заточенным прутком, действовал как копейщик: он сделал выпад, отвлекая и отводя меч. В тот момент, когда сталь скользнула по железу, один из галлов с рёвом бросился под удар, но не в лоб, а сбоку, обхватив руку охранника и всадив ему под мышку короткий нож. Третий, тем временем, бил дубиной по ногам. Через две секунды второй охранник был мёртв.

Третий оказался умнее или трусливее. Он, пятясь, отбежал к каменной лестнице, ведущей на сторожевую галерею у стены, и закричал истошным голосом:

– Мятеж! Мятеж в школе! К оружию!

Его крик был сигналом. Из казармы у главных ворот, из-за углов двора начали появляться другие стражи. Их было человек десять-двенадцать. Не просто надзиратели, а настоящие ветераны, нанятые ланистой для серьёзной охраны. В кольчугах, с овальными щитами (скутумами) и короткими мечами. Они уже строились, отработанным движением смыкая щиты, формируя подобие тесной фаланги. Это была уже не стычка, а настоящее сражение.

Вторая фаза: Столкновение с организованным сопротивлением. Тактический расчёт.

– Остановиться! – рявкнул Спартак, и его голос, низкий и властный, прорезал общий гул. Бегущая вперёд толпа гладиаторов замерла в нерешительности, увидев щитовую стену. Инстинкт подсказывал – лобовая атака на строй легионеров, даже импровизированный, это смерть.

Алексей-Спартак оценил обстановку со скоростью процессора. Щитовой строй из десяти человек. Не глубокая фаланга, а просто линия. Фланги уязвимы. За их спиной – массивные дубовые ворота, запертые на засов. На галерее у стены – тот третий охранник и ещё двое, один с луком. Приоритеты: лучники, потом фланги, потом ворота.

– Крикс! – крикнул он, не отводя глаз от римлян. – Десять человек самых шустрых. Лестница на галерею справа. Убери тех троих. Немедленно!

– Понял! – рыжий галл, весь в крови первого охранника, оскалился в ухмылке и махнул рукой. За ним ринулась группа гладиаторов, вооружённых в основном ножами и дубинами. Они не побежали прямо, а рванули вдоль стены, используя кучи хлама и бочки как укрытие.

– Эномай! – продолжил отдавать приказы Спартак. – Ты и твои – делайте шум слева! Бейте в щиты, кидайте что есть, но не лезьте в сомкнутую стену! Отвлекайте!

– Сделаем! – отозвался галл, и его группа начала растекаться влево, поднимая дикий вой, стуча дубинами по щиту, который кто-то поднял с земли.

У римлян, увидев это, командир, седой ветеран со шрамом через всё лицо, скомандовал:

– Не размыкать строй! Они хотят нас расщепить! Держать линию! Стрелок! Коли того рыжего!

Лучник на галерее попытался прицелиться в Крикса, но тот уже нырнул за опрокинутую телегу. Стрела вонзилась в дерево с глухим стуком.

Спартак тем временем действовал. Он быстро собрал вокруг себя человек пятнадцать – самых сильных и тех, у кого было что-то похожее на длинное оружие: вилы, черенки, тот самый заточенный прут, вырванный из решётки.

– Вы – таран, – сказал он, глядя им в глаза. – Мы идём не на щиты. Мы идём под щиты. Когда Эномай отвлечёт их внимание слева, мы бьём прямо в центр. Броском. Тяжестью. Ваша задача – опрокинуть их, создать брешь. Не бить – давить! Поняли?

Они закивали, дыхание у них было учащённым, но в глазах уже горел азарт. Их ведёт не безумец, а полководец. Это придавало сил.

Сверху, с галереи, донёлся яростный крик, звон железа и звук падающего тела. Крик вступил в бой. Лучник исчез с поля зрения, вероятно, сражённый.

– Теперь! – скомандовал Спартак.

Эномай и его люди с левого фланга подняли неистовый рёв и начали бросать в римлян всё, что попадалось под руку: камни, обломки черепицы, горшки с водой. Щитовая стена непроизвольно дрогнула, развернувшись немного влево, чтобы прикрыться от этого града.

– ВПЕРЁД! – закричал Спартак и первым рванулся на щитовую стену. Не бегом – мощным, ускоренным шагом, за ним – его пятнадцать «таранов».

Расстояние в двадцать метров они преодолели за несколько секунд. Римский ветеран увидел угрозу слишком поздно.

– Копья! Держать! – заорал он, но копий у них не было, только мечи.

Спартак, не снижая скорости, в последний момент перед самым столкновением резко присел и, как в регби, бросился под щит переднего легионера, всей массой своего тела ударив его в колени. Раздался болезненный хруст, легионер с криком рухнул. Следующие за Спартаком гладиаторы врезались в образовавшуюся брешь уже как настоящий таран: не стараясь колоть или рубить, они просто били, давили, толкали, сбивая римлян с ног, ломая строй. Возникла свалка, где преимущество римской дисциплины было мгновенно нивелировано яростью, численностью и грамотно созданным локальным перевесом.

Спартак, оказавшись среди падающих тел, не терял ориентации. Он поднялся, выхватил из ножен павшего легионера его гладиус. Сталь в его руке ощущалась естественно, словно он держал её всю жизнь – благодаря памяти мышц фракийца. Он не стал вступать в общую свалку. Его цель была дальше. Командир римлян, седой ветеран, отступил на шаг, пытаясь перегруппировать оставшихся людей.

– Центурион! – крикнул Спартак, привлекая его внимание. Он не знал его звания, но обращение было уместным.

Ветеран обернулся, его глаза метнули молнию ненависти. Он поднял меч.

– Умри, грязный раб!

Он атаковал с мастерством профессионала: короткий, точный укол в живот. Спартак парировал движением запястья, отведя клинок в сторону. Звук удара стали о сталь был резким и звонким. Он не отступал. Он знал слабость римской тактики в таком бою: они рассчитывали на строй. Винтовка против автомата, мысленно пронеслось у него в голове. Один на один римский легионер, даже ветеран, был крепким бойцом, но не феноменом.

Ветеран нанёс несколько быстрых ударов, которые Спартак парировал щитом, поднятым с земли. Он изучал противника. Агрессивный, прямолинейный, делает ставку на силу удара и защиту доспехов.

Спартак сделал вид, что споткнулся о тело, и слегка отклонился назад. Ветеран, решив, что противник потерял равновесие, сделал широкий замах для рубящего удара по голове. Это была ошибка. Спартак, демонстрировавший фехтовальное мастерство секунду назад, вдруг применил приём из рукопашного боя. Он резко шагнул вперёд, внутрь дуги замаха, и нанёс мощный удар эфесом своего гладиуса в незащищённое шлемом лицо ветерана. Тот ахнул, отброшенный назад. Спартак не дал ему опомниться. Последовал молниеносный удар ногой

по колену, слышен был треск, и ветеран рухнул. Спартак наступил на его вооружённую руку и приставил острое гладиуса к горлу.

– Ключ от ворот, – сказал он без колебаний. – Где?

Ветеран, истекая кровью из носа, с ненавистью смотрел на него.

– Гори в аду...

Спартак даже не нахмурился. Он применил лёгкое давление. Острое вошло в кожу на шее, выступила кровь.

– Ключ. Последний раз.

Боль и близость смерти сделали своё дело. Ветеран, скрежеща зубами, кивнул на свой пояс. – Там... на кольце...

Спартак быстро обыскал его, нашёл железное кольцо с несколькими ключами. Он встал, оставив раненого врача умирать. Милосердие в такой ситуации было глупостью.

Тем временем бой на дворе стихал. Гладиаторы, вдохновлённые успехом «тарана» и гибелью своего командира, добивали оставшихся римлян. Потери были: трое гладиаторов лежали мёртвыми, ещё несколько были ранены. Но победа была за ними. Крикс и его люди спустились с галереи, окровавленные, но торжествующие.

– Все трое – мёртвы, – доложил Крикс, и в его тоне впервые сквозило не вызов, а нечто вроде уважения.

– Хорошо, – кивнул Спартак. – Эномай, организуй людей. Собери всё оружие, доспехи, найдите воду и еду. Крикс, возьми несколько человек, обыщи казармы. Должны быть запасы, может, ещё оружие.

Он сам направился к массивным дубовым воротам. Засов был тяжёлым, железным. Он попробовал ключи. Третий подошёл. С глухим скрежетом засов отъехал.

Спартак распахнул небольшую калитку в воротах и выглянул. За ними была узкая, пыльная улочка, ведущая от школы к окраинам Капуи. Пока что пустынная. Но крики и шум боя наверняка уже привлекли внимание. Время работало против них.

Он закрыл калитку и повернулся к собравшимся вокруг него гладиаторам. Их было теперь около семидесяти пяти человек. Они смотрели на него, залитые потом и кровью, уставшие, но с невероятным огнём в глазах. Они только что сделали невозможное. И он был причиной этого.

– Мы выиграли первый бой, – сказал Спартак, и его голос звучал громко и ясно во внезапно наступившей тишине. – Но это только начало. Сейчас в городе уже поднимают тревогу. Через полчаса сюда прибудет римский гарнизон. Нас будут искать, чтобы распять на крестах вдоль всей Аппиевой дороги.

В толпе пронёсся тревожный гул.

– Что же делать? – крикнул кто-то.

– Бежать! Пока есть время! – предложил другой.

– Бежать? Куда? – холодно парировал Спартак. – По дорогам, где нас будут ждать? В поля, где нас выследят как зверей? Нет. Мы не побежим. Мы уйдём. Но уйдём как армия. И чтобы уйти, нам нужно сделать три вещи.

Он поднял руку, загибая пальцы.

– Первое: снаряжение. Мы забираем здесь всё. Каждый меч, каждый щит, каждый кусок хлеба и глоток воды. Ничего не оставляем врагу.

– Второе: план. Мы не пойдём на север, где нас ждут. Мы пойдём туда, где нас не ждут. На юг. К Везувию.

– Третье: порядок. С этого момента вы – не гладиаторы. Вы – солдаты. А солдаты подчиняются приказам. Я буду отдавать их. Крикс и Эномай – мои первые помощники. Кто не согласен – может взять свою долю добычи и уйти сейчас. Но шансов в одиночку у вас ноль.

Он выдержал паузу, давая словам проникнуть в сознание. Никто не двинулся с места. Идея разбежаться казалась теперь не освобождением, а самоубийством.

– Сейчас мы разобьёмся на группы, – продолжил Спартак. – Группа добычи: собрать всё ценное. Группа прикрытия: на стены, следить за подходами. Группа санитаров: помочь раненым. И группа поджигателей.

Последние слова заставили всех насторожиться.

– Поджигателей? – переспросил Эномай.

– Эта школа – символ нашего рабства. Мы её уничтожим. Но не просто подождём. Мы создадим заграждение. Горящие развалины задержат погоню и дадут нам время. Крикс, ты отвечаешь за это. Используй масло для факелов, солону, всё, что горит.

Он отдавал приказы чётко, ясно, без лишних слов. И люди слушались. Началась лихорадочная деятельность. Кто-то волок мешки с зерном из кладовой, кто-то снимал кольчуги с мёртвых римлян, кто-то укладывал на импровизированные носилки раненых товарищей.

Сам Спартак, пока другие работали, провёл быструю рекогносцировку внутри школы. Его интересовали не столько запасы, сколько специфические вещи. Он зашёл в кузницу – небольшую, примитивную. Там были инструменты: молоты, клещи, запас угля. И селитра. Её использовали для закалки металла и иногда – для примитивных фейерверков во время игр. Он нашёл небольшой глиняный кувшин с беловатым порошком. Не идеально, но сойдёт. Сера тоже была – её применяли для обработки кожи и в медицине. Уголь – в избытке.

Основа для чёрного пороха. Примитивного, дымного, но громкого и способного наносить ожоги. Пока рано. Но знать, где искать компоненты, уже важно.

Он также осмотрел склад с инвентарём для шоу: дрессированные медведи в клетках (их выпустили, звери разбежались), телеги для транспортировки гладиаторов, груды тряпья и... бочки со смолой для ремонта крыш и деревянных конструкций. Идеально.

Через двадцать минут школа превратилась в муравейник. Были собраны все припасы: несколько десятков гладиусов и пилумов, около двадцати щитов, кольчуги, мешки с зерном, вяленое мясо, бурдюки с водой и вином. Раненых было пятеро, двое тяжело.

– Огонь готов, – доложил Крикс, его лицо было испачкано сажей. Он явно наслаждался процессом.

– Хорошо. Выводи людей через калитку. Строимся колонной на улице. Раненых – в центр. Вооружённые и бронированные – по краям. Я иду последним.

Когда последний гладиатор переступил порог, Спартак сделал то, что запланировал. Он взял бочку со смолой, облил ей ближайшую к воротам деревянную постройку – конюшню. Потом разбил кувшин с маслом рядом. Он высек огнём искру, поджёг пучок пакли и швырнул его в лужу масла.

Огонь вспыхнул с яростным whoosh, мгновенно перекинувшись на облитую смолой древесину. Через мгновение пламя уже лизало стены, чёрный дым начал подниматься к небу.

Спартак вышел на улицу и закрыл за собой калитку. Перед ним, в узком переулке, стояла нестройная, но уже не совсем беспорядочная толпа. Они смотрели на полыхающую школу, и в их глазах было что-то большее, чем радость. Было осознание: обратной дороги нет. Они сожгли свои цепи в прямом и первичном смысле.

– Колонной, по двое! – скомандовал Спартак. – Шаг быстрый, но не бегом. Не отставать! Направление – южные ворота города. Крикс, вперёд, выбери путь по тихим улицам. Эномай, замыкающий сзади, следи, чтобы не отставали.

Они двинулись. Семьдесят пять человек, ещё вчера бывших рабами, сегодня ставших солдатами в первой битве небольшой, но уже страшной для Рима войны. Над Капуей поднимался столб чёрного дыма, будто погребальный костёр по старой жизни. А впереди их ждала гора Везувий, которая даже не подозревала, что скоро станет колыбелью легенды и ужасом для римских легионов. И вёл их человек с душой русского подполковника и телом фракийского

бога войны, для которого всё это было лишь первым, самым маленьким шагом в долгой стратегии выживания и мести.

Они ещё не знали, что такое дисциплина по-настоящему. Они не знали, что такое тактика и стратегия. Но они уже видели, как работает воля одного человека. И этого было достаточно, чтобы заставить их идти за ним в самую неизвестность. Потому что позади оставался только огонь и смерть. А впереди... Впереди была свобода. И Спартак твёрдо намеревался дать им её. Но сначала – научить её завоевывать.

Глава 3: Гора стали и воли

Дым от горящей школы Лентула Батиата был виден из всего города. Как предсказывал Спартак, тревога поднялась мгновенно. Но у римлян была одна проблема: Капуя – не военный лагерь. Это был богатый, праздный город, где гарнизон состоял из двух сотен вспомогательных войск, разбросанных по казармам и караулам. На организацию погони и блокирование ворот ушло драгоценное время.

Этим временем Спартак и воспользовался. Отряд, ведомый Криксом по узким, грязным улочкам беднейших кварталов, двигался быстро, но без паники. Они шли не бегом, а ускоренным шагом, который Алексей-Спартак знал как «скорость марш-броска» – наиболее эффективный режим для сохранения сил на длинной дистанции.

Их видели. Из окон хижин на них смотрели испуганные лица рабов и плебеев. Но никто не поднял тревоги. В глазах многих читалось не страх, а странное, затаённое ожидание. Слух о восстании в самой крупной гладиаторской школе распространялся быстрее, чем они шли.

Южные ворота Капуи были простой деревянной конструкцией с караулом из четырёх человек. Когда передовой дозор Крикса вышел к ним, стражи уже знали, что в городе бесчинствуют восставшие гладиаторы, но не ожидали, что они явятся прямо к воротам. Увидев окровавленную, вооружённую толпу, караул в панике бросился бежать, даже не попытавшись запечатать ворота.

– Не преследовать! – рявкнул Спартак, увидев, как несколько галлов рванулись за бегущими римлянами. – Наша задача – уйти. Крикс, выдвигайся вперёд, выбери путь к подножию Везувия. Эномай, забери ключи от ворот, запрем их снаружи.

Через несколько минут весь отряд был за городской стеной. Массивные засовы с грохотом задвинулись, ненадолго задержав возможную погоню. Перед ними расстилалась холмистая, покрытая виноградниками и оливковыми рощами равнина Кампании, а на горизонте дымилась, как гигантский уголь в очаге богов, гора Везувий. В I веке до н.э. она считалась потухшей, просто высокой, покрытой лесами и скалами горой – идеальным естественным укреплением.

– Вперёд, – скомандовал Спартак, не давая людям времени на раздумья или панику. – До наступления темноты должны быть у подножия.

Их путь лежал по проселочным дорогам и полям. Спартак шёл в голове колонны рядом с Криксом, его глаза постоянно сканировали горизонт.

– Дозоры, – сказал он Криксу. – Выбери пятерых самых зорких. Пусть идут в стадии перед колонной и по флангам. Если увидят кого-то – не нападать, а сигнализировать. Свистом птицы, например.

– Птицы? – Крикс смотрел на него как на сумасшедшего.

– Да. Два коротких свиста – опасность слева. Длинный – спереди. Понимаешь?

Галл пожал плечами, но кивнул. Он начал понимать, что этот фракиец мыслит категориями, далёкими от обычного гладиатора или разбойника.

К вечеру, когда солнце клонилось к закату, окрашивая склоны Везувия в кроваво-красные тона, они достигли лесного массива у подножия горы. Люди выбивались из сил. Раненые стонали. Настроение, сначала приподнятое, начинало падать. Возникали вопросы: «А что дальше?», «Где мы будем спать?», «Что есть?».

Спартак собрал всех на небольшой поляне.

– Здесь мы разобьём временный лагерь. На одну ночь. Крикс, организуй охрану по периметру. Три смены по два часа. Костры жечь нельзя. Эномай, распредели пищу и воду. Ровно по пайку. Ни больше, ни меньше. Кто попытается взять лишнее – наказание.

– Какое наказание? – спросил кто-то из толпы.

– Смерть, – без тени эмоций ответил Спартак. – Мы в осаде. Каждый кусок хлеба – это шанс прожить лишний день. Ворующий у товарищей – предатель. Предателей не терпят.

В наступившей тишине было слышно только тяжёлое дыхание уставших людей. Это была жестокость, но жестокость прагматичная, понятная каждому, кто хоть раз голодал. И она была справедливой.

Ночью, пока большинство спало, сжавшись в кучки от холода, Спартак бодрствовал. Он сидел, прислонившись к дереву, и планировал. Перед его внутренним взором выстраивалась карта местности (примерная, собранная из обрывков памяти фракийца и его собственных знаний географии Италии). Везувий. Потухший вулкан. Крутые склоны, несколько троп, ведущих к вершине. Вершина – плоская, как бывшее жерло, окружённая скалистыми гребнями. Естественная крепость. Пресная вода должна быть из источников. Пищу можно добывать охотой, налётами на виллы, а позже – организовать меновую торговлю с местными, которые ненавидят Рим.

Но прежде чем думать о торговле, нужно было выжить. Рим не оставит такое восстание без ответа. Придут каратели. Скорее всего, местные ополчения из Капуи и Нолы, а затем и регулярные войска.

Его размышления прервал шорох. К нему, крадучись, подошёл Эномай.

– Не спишь? – тихо спросил галл.

– Не до сна, – ответил Спартак. – Ты что-то хотел?

– Да. Люди... они не понимают. Они думали, что сбегут и станут свободными. А получилось, что ты заковал их в новые цепи. Цепи твоих приказов.

Спартак посмотрел на него в темноте. Глаза галла светились неподдельным беспокойством не за себя, а за общее дело.

– Свобода без порядка – это анархия, – тихо сказал Спартак. – А анархия ведёт к смерти. Рим – это машина. Машина войны, закона, дисциплины. Чтобы сломать машину, нужна другая машина. Более простая, более жёсткая и более мотивированная. Я не даю им новых цепей. Я даю им шанс стать частью этой новой машины. А для этого нужно отказаться от старого мышления. От мысли, что каждый сам за себя.

– Они этого не примут, – покачал головой Эномай. – Особенно галлы. Крикс...

– Крикс примет, – уверенно сказал Спартак. – Он воин. Он понимает силу. Сейчас он видит, что мои методы работают. Мы живы, мы на свободе. Но если он решит оспорить моё командование... – он не договорил, но смысл был ясен.

– Ты убьёшь его?

– Если он поставит под угрозу жизнь отряда – да. Без колебаний.

Эномай промолчал, обдумывая услышанное. Потом кивнул и удалился. Спартак остался один. Его последние слова не были блефом. Он действительно был готов убить Крикса, если тот станет проблемой. Война не время для сантиментов.

На рассвете он поднял отряд. За ночь к ним прибились ещё человек пятнадцать – беглые пастухи и несколько сельских рабов, услышавших о восстании. Спартак приказал записать их имена (вернее, запомнить) и распределить по группам.

– Сегодня мы поднимаемся на гору, – объявил он. – На вершину. Там мы построим лагерь. Наш дом. Нашу крепость. Подъём будет тяжёлым. Раненых нести на носилках. Всё имущество – на себе. Кто отстанет – будет оставлен. Жестоко, но иначе мы все погибнем.

И они пошли. Тропа, ведущая вверх, была узкой и каменистой. Спартак шёл первым, прокладывая путь. Он нёс на плече мешок с инструментами из кузницы школы. За ним, пыхтя и ругаясь, тянулась вереница людей. Крикс и его галлы, самые выносливые, помогали тащить раненых. Эномай замыкал колонну, подгоняя отстающих.

Подъём занял несколько часов. Когда они выбрались, наконец, на плоскую вершину древнего кратера, открылся вид, от которого захватило дух. Вся Кампания лежала у их ног, как

шахматная доска из зелёных и коричневых квадратов полей, серебряных лент рек и белых точек вилл. Вдалеке дымилась Капуя. Воздух здесь был чистым, холодным и разреженным.

– Здесь, – сказал Спартак, обводя рукой пространство кратера. – Здесь мы строим лагерь. Но не просто лагерь. Мы строим каструм. Римский военный лагерь.

Он взял острый кол и начал чертить на земле план, объясняя:

– По периметру – ров и вал из земли и камней. Внутри – улицы, палаточные ряды, площадь для сборов – плац. Здесь – кузница. Там – лазарет. Здесь – склад. Каждое утро – построение. Каждый вечер – проверка постов. Все, кто может держать оружие, тренируются. Каждый день.

Люди слушали, ошеломлённые размахом замысла. Они ожидали пещеры, укрытия. Им предлагали крепость.

– И как мы всё это построим? – скептически спросил Крикс. – У нас нет рабов.

– Мы не римляне, – парировал Спартак. – Мы – армия свободных людей. Каждый работает на общее благо. Я буду работать первым. Кто со мной?

Он сбросил с плеч мешок, взял кирку, которую прихватил из школы, и ударил по земле. Это был символический жест, но он сработал. Первыми к нему присоединились Эномай и несколько самых преданных. Потом, ворча, но подчиняясь общему порыву, начали работать и другие.

Спартак разделил людей на группы. Одни рыли ров по намеченному контуру. Другие носили камни для будущей стены (пока что просто грудой). Третьи заготавливали дерево для палаток и укреплений. Четвёртые, под руководством самого Спартака, начали строить то, что он назвал «мастерской».

Эта мастерская располагалась в небольшой пещере у края кратера – естественном укрытии от глаз и непогоды. Сюда он перенёс запасы селитры, серы и угля. К нему он приставил двух человек: старого грека по имени Леонтий, который когда-то работал у парфюмера и кое-что понимал в веществах, и молодого, сообразительного сирийца по имени Махар. Он объяснил им задачу просто: «Я покажу вам, как рождается огонь, который не тушится водой. Это будет нашим главным секретом. Вы расскажете кому-то – умрёте».

Параллельно он начал тренировки. Каждое утро, ещё до рассвета, весь лагерь строился на плацу. Спартак, Крикс и Эномай проводили с ними простейшие упражнения: построение в шеренгу, повороты, движение строем. Поначалу это вызывало смех и возмущение. «Мы же не легионеры!» – кричали некоторые.

Однажды утром группа галлов во главе с одним из приятелей Крикса, по имени Белловак, открыто взбунтовалась. Они отказались «танцевать по команде фракийца». Спартак вышел из строя и подошёл к ним. В руке у него была не палка для тренировок, а настоящий гладиус.

– Вы не хотите учиться? – спокойно спросил он.

– Мы умеем драться! Лучше любого римлянина! – выкрикнул Белловак.

– Хорошо, – кивнул Спартак. – Докажи. Драка один на один. Если победишь – твоя группа не тренируется. Если проиграешь – будешь копать отхожую яму для всего лагеря до конца дней.

Белловак, могучий галл, закованный в мускулы, усмехнулся. Он сбросил тунику и взял свой меч. Спартак сделал то же самое. Они сошлись в центре площадки, окружённые плотным кольцом гладиаторов.

Белловак атаковал первым – широким, размашистым ударом, рассчитанным на то, чтобы разрубить противника пополам. Спартак даже не парировал. Он сделал короткий шаг в сторону, и клинок пронёсся в сантиметре от его груди. Пока Белловак разворачивался, Спартак нанёс ему удар эфесом меча в почку. Галл ахнул от боли, но не упал. Он рванулся в яростную серию ударов, которую Спартак парировал с пугающей лёгкостью, его меч двигался мини-

мально, точно, без лишних усилий. Это была не гладиаторская техника, а техника солдата, для которого бой – это работа, а не шоу.

Через минуту Белловак, истекая кровью из нескольких неглубоких, но болезненных ран (Спартак специально целился в мышцы, а не в жизненно важные органы), тяжело дышал. Спартак же казался почти не уставшим.

– Ну что? – спросил он. – Продолжаем?

Вместо ответа Белловак, собрав последние силы, бросился на него с рёвом. Спартак в последний момент присел и подставил ему подножку. Галл грохнулся на землю. Спартак наступил ногой на его вооружённую руку, а кончик своего меча приставил к горлу поверженного врага.

– Сдаёшься?

В глазах Белловака бушевала ярость, но сквозь неё пробивалось признание поражения. Он кивнул.

Спартак отступил и помог ему подняться.

– Ты силён и храбр, – громко сказал он, чтобы слышали все. – Но против дисциплинированного римского строя твоя храбрость – просто самоубийство. Теперь иди копать яму. И пусть каждый, кто думает, что дисциплина не нужна, посмотрит на тебя и запомнит.

С этого дня тренировки стали проходить без возражений. Спартак не просто учил их драться. Он учил их воевать. Он объяснял основы тактики: что такое фланг, что такое резерв, как использовать местность. Он заставлял их маршировать в полном молчании, развивая выносливость. Он ввёл систему наказаний и поощрений. За проступок – лишение пайка или дополнительная работа. За усердие – лучший кусок мяса или почётное место в строю.

Через неделю лагерь на вершине Везувия был уже не сборищем беглецов, а настоящей, хотя и примитивной, крепостью. Ров был выкопан, вал насыпан. Палатки стояли ровными рядами. Дымилась кузница, где перековывали трофейное оружие и делали новые наконечники для пилумов. А в секретной пещере Леонтий и Махар под руководством Спартака провели первый успешный эксперимент.

Это был не полноценный порох, а нечто вроде дымной, быстро горящей смеси. Спартак поместил её в глиняный горшок, заткнул тряпкой и поджёг с помощью фитиля. Горшок не взорвался, но из его горла вырвался мощный столб пламени и едкого дыма, который горел даже на сырой земле.

– «Греческий огонь», – сказал Спартак своим помощникам, наблюдая, как пламя лижет камень. – Наша первая тайна. Готовьте больше. Мы скоро испытаем его в деле.

И он не ошибся. Через десять дней после их побега из Капуи дозорные доложили: к подножию горы подходит отряд римлян. Около трёхсот человек. Местное ополчение из Капуи и Нолы под командованием пропретора Гая Клавдия Глабра. Их цель была очевидна: окружить гору и взять повстанцев измором, блокировав все спуски.

Спартак вызвал к себе Крикса и Эномая на военный совет у себя в палатке, которая уже больше напоминала командный пункт с наскоро сколоченным столом и глиняными табличками для записей.

– Они думают, что мы – дикие звери в ловушке, – сказал он, указывая на грубую карту, нарисованную углём на доске. – Они заблокировали главную тропу внизу и ставят лагерь. Ждут, пока мы умрём от голода или спустимся на верную смерть.

– Так что будем делать? – мрачно спросил Крикс. – Сидеть тут и ждать?

– Нет, – Спартак улыбнулся, и в его улыбке не было ни капли веселья. – Мы нанесём удар первыми. Но не в лоб.

– У нас всего семьдесят боеспособных! – возразил Эномай. – Против трёхсот!

– У нас есть высота, – сказал Спартак. – У нас есть неожиданность. И у нас есть вот это. – Он кивнул на ряд глиняных горшков, стоящих у входа в палатку. Они были плотно закрыты и оплетены верёвками для переноски.

В ту же ночь Спартак привёл свой план в действие. Он отобрал тридцать самых смелых и дисциплинированных бойцов. Среди них были Крикс и Эномай. Каждому выдали по два глиняных горшка с «огненной смесью», факелы и дополнительное оружие. Сам Спартак взял на себя командование.

– Мы не пойдём по тропе, – объяснил он. – Мы спустимся там, где они не ждут. По скалам. Сзади их лагеря.

Спуск в темноте по крутому скалистому склону был смертельно опасным предприятием. Они двигались цепочкой, помогая друг другу, используя верёвки, сплетённые из виноградных лоз (идея Спартака). Один человек сорвался и разбился, но остальные продолжили путь. Римский лагерь внизу был хорошо виден – несколько десятков палаток, охраняемых часовыми, яркие костры в центре.

Пользуясь темнотой и шумом ветра в деревьях, группа Спартака бесшумно подобралась к заднему краю лагеря, где охрана была минимальной. Часовых сняли тихо, с помощью ножей. Затем Спартак разделил людей на три группы.

– Первая группа – с Эномаем. Заходите слева, поджигайте палатки факелами. Вторая – с Криксом, справа, задача та же. Моя группа – в центр. По моему сигналу – крик и бросок горшков в самые большие скопления врага. Цель – не перебить всех, а посеять панику и огонь. Как только лагерь вспыхнет – немедленно отход к точке сбора. Никакого грабежа! Понятно?

Они кивнули, глаза их горели в темноте. Спартак дал сигнал – свист ночной птицы.

Тишину ночи разорвали нечеловеческие крики. С флангов лагеря взметнулись языки пламени – загорелись палатки. Римляне, спавшие после тяжёлого перехода, в панике выскакивали наружу, не понимая, что происходит. И в этот момент в центр лагеря, где уже собирались вооружавшиеся солдаты, полетели глиняные горшки.

Они разбивались о землю, о щиты, о тела. И из каждого разбитого горшка вырывался ад. Липкое, жидкое пламя, которое не гасло, а прилипало к всему, чего касалось. Оно горело на щитах, на одежде, на коже. Вопли обожжённых заживо людей смешались с криками атаки. В свете пожара мелькали фигуры повстанцев, которые, не вступая в ближний бой, метали в толпу копья и дротики, а затем растворялись в темноте.

Гай Клавдий Глабр, выскочивший из своей палатки в одном тунике, с ужасом наблюдал, как его отряд, ещё не видевший врага, превращается в обезумевшую толпу, охваченную огнём, который казался порождением самого Таргара. Он пытался навести порядок, кричал, чтобы строились, но его голос тонул в всеобщем хаосе.

Спартак, увидев, что цель достигнута, дал сигнал к отходу – два коротких свиста. Его люди, дисциплинированные неделями тренировок, немедленно начали отступать к условленному месту, прикрывая друг друга. Они унесли с собой раненого товарища и не потеряли ни одного «огненного горшка» (те, что не были брошены).

Возвращались они уже по тропе – римляне были слишком деморализованы, чтобы организовать преследование. На вершине их встречали как героев. Весь лагерь наблюдал за пожаром внизу, оранжевое зарево которого освещало ночное небо.

На рассвете с вершины было видно жалкое зрелище. Римский лагерь представлял собой дымящееся пепелище. Отряд Глабра, потерявший не столько людей от оружия, сколько от огня и в панике растоптанных своими же, отступал по направлению к Капуе, бросая раненых и обоз.

Спартак собрал всех на плацу. Он стоял перед строем, закопчённый, усталый, но с прямым, как меч, позвоночником.

– Вы видели? – его голос гремел в утренней тишине. – Вы видели, что сделали тридцать дисциплинированных воинов с трёх сотенной толпой? Это не магия. Это не удача. Это – поря-

док. Это – послушание. Это – наше новое оружие, которое страшнее любого меча. Сегодня мы победили. Завтра придут другие, более сильные. Но если мы будем держать строй, слушаться приказов и верить не в свою силу, а в силу нашего братства, мы победим и их. Мы – не рабы. Мы – не гладиаторы. С сегодняшнего дня мы – Везувианский легион! И горе тому, кто встанет на нашем пути!

Рёв, поднявшийся с вершины Везувия, был слышен, наверное, в самом Риме. Это был уже не рёв отчаяния, а победный клич новой силы. И в центре этого урагана стоял он – Спартак, бывший подполковник Алексей Вяткин, который только что выиграл свою первую битву в этой древней войне и сделал первый, но гигантский шаг к тому, чтобы стать кошмаром для самой могущественной империи в мире. А в секретной пещере уже готовилась новая партия «греческого огня», и в планах командира было нечто большее, чем просто оборона горы. Он смотрел на дымящиеся внизу развалины лагеря Глабра и думал о том, что пора переходить от обороны к наступлению. Война только начиналась.

Глава 4: Пламя и мечты на краю кратера

Дым от разгромленного лагеря Гая Клавдия Глабра стлался по равнине Кампании еще три дня. Для римлян это было унижительное пятно на репутации и военном порядке. Для обитателей вершины Везувия – столп славы и знамя надежды. Слово «Везувианский легион», брошенное Спартаком в пылу победы, прижилось мгновенно. Оно давало ощущение принадлежности к чему-то большему, чем шайка беглых рабов. Это была идентичность.

Победа изменила всё. Дисциплина, которая прежде насаждалась железной рукой и страхом, теперь начала подпитываться уважением и доверием. Когда Спартак приказывал копать ров глубже или таскать камни для стены, люди работали не потому, что боялись наказания, а потому, что видели: эти рвы и стены спасли им жизни. Авторитет командира стал неоспоримым, переходя в нечто сродни религиозному благоговению. Шёпотом передавали, что он договорился с Гефестом, богом огня, потому что пламя, поглотившее римлян, было неземным. Сам Спартак такие разговоры не поощрял, но и не пресекал – миф был полезным оружием.

Но война – это не только бои и строительство укреплений. Это ещё и долгие часы ожидания, монотонного труда и тишины, которая давит на психику. Именно в такие моменты на поверхность всплывают мысли, которые в пылу сражения загнаны глубоко внутрь.

Однажды вечером, после изнурительного дня, когда были усилены северные валы и налажена система сбора дождевой воды, Спартак обходил посты. У крайнего пункта, на скалистом выступе, с которого открывался вид на бескрайнее Тирренское море, мерцающее в лунном свете, сидели двое часовых. Это были молодой фракиец по имени Дазий, земляк Спартака, и пожилой нумидиец, которого все звали Старым Вером. Они тихо о чём-то разговаривали, но замолчали, увидев командира.

– Всё спокойно, – отчеканил Дазий, вставая.

– Отдыхайте, – кивнул Спартак, садясь рядом с ними на камень. Он снял шлем и провёл рукой по потным волосам. – Что обсуждали?

Дазий и Вер переглянулись.

– Вер рассказывал про свой дом, – нерешительно начал фракиец. – Про то, как пас овец в горах у Кирты.

Спартак посмотрел на нумидийца. Тот был худым, жилистым, с лицом, изрезанным морщинами, как русло высохшей реки.

– Расскажи и мне, – сказал Спартак. Его тон был не приказным, а заинтересованным.

Вер, сначала смутившись, начал говорить. Его латынь была ломаной, но образы – яркими.

– Там... воздух сухой, горячий. Не как здесь, влажный. И запах... запах полыни и горячего камня. Овцы белые, как облака, которые спустились пастись. А по ночам небо... – он сделал широкий жест рукой, – ...оно такое чёрное, и звёзд так много, что кажется, будто на землю насыпали горсть алмазной пыли. И тишина... не мёртвая, а живая. Шорох ветра в камнях, крик шакала вдалеке. Я там родился. Там моя жена... и двое сыновей. Я попал в плен, когда римляне воевали с Югуртой. Уже... двадцать лет назад.

В его голосе не было надрыва, только глубокая, выжженная временем тоска.

– И о чём ты мечтаешь, Вер? – спросил Спартак, глядя на море, которое здесь заменяло бескрайние степи Нумидии.

Нумидиец долго молчал.

– Я... я не мечтаю вернуться, – наконец выдохнул он. – Двадцать лет. Жена, наверное, состарилась или умерла. Сыновья выросли, не узнают отца-раба. Нет, командир. Я мечтаю... о тишине. О том, чтобы просто сесть на камень у дороги, в каком-нибудь краю, где нет римских орлов на столбах, и знать, что никто не имеет права приказать мне встать. Просто сидеть. И молчать. И быть никому не нужным. Вот и вся моя мечта.

Эта простая, страшная своей обнажённостью мечта повисла в воздухе. Дазий, слушавший, потупил взгляд. Спартак положил руку на костлявое плечо нумидийца.

– Мы создадим такое место, Вер. Где каждый сможет просто сидеть на своём камне. И смотреть на свои звёзды. Это я тебе обещаю.

Он ушёл, оставив их на посту, и его слова, казалось, немного согрели холодный ночной воздух. Но в душе Спартака-Алексея что-то сжалось. Он понимал, что обещал почти невозможное. Но он также понимал, что воюет не за абстрактную свободу, а именно за эти простые, человеческие мечты. За право дышать, молчать и быть никем.

На следующий день он провёл тренировку нового рода. Он разделил весь «легион» на четыре манипулы по двадцать человек, назначив во главе каждой Крикса, Эномая, себя и одного из проявивших себя галлов – Бренна. Упражнение было на слаженность: одна манипула «атаковала» позицию другой, с использованием деревянных мечей и щитов, задача – не столько победить, сколько сохранить строй, выполнить манёвр по сигналу. Криксы, горячие галлы, поначалу рвались вперёд, ломая порядок, но после нескольких тактических поражений от более дисциплинированной манипулы Эномая начали прислушиваться.

После тренировки, когда люди отдыхали, греясь у костров (теперь их разрешалось разжигать, но только в глубоких ямах, чтобы свет не был виден снизу), Спартак подсел к Криксу. Тот сидел один, точил свой меч, его рыжеволосая голова была опущена.

– Что-то не так, галл? – спросил Спартак, отламывая кусок лепёшки из грубой муки.

– Нет, – буркнул Крикс. – Всё в порядке.

– Говори. Не выдерживаешь тренировок?

Крикс резко поднял голову, глаза его вспыхнули.

– Я выдержу что угодно! Просто... – он замялся, снова опустив взгляд на клинок. – Интересно, что он сейчас делает.

– Кто?

– Мой брат. Младший. Оставил я его на попечении старой матери в нашем оппидуме, когда ушёл наёмником к аллоброгам. Римляне напали на наше племя, когда я был вдали. Я вернулся – от оппидума остались головешки и кресты вдоль дороги. Его среди мёртвых не нашёл. Значит, угнали в рабство. Может, гребёт на галере. Может, копает рудники в Испании. А может, уже мёртв. – Крикс с силой провёл точильным камнем по лезвию. – Я мечтаю найти его. Обойти каждый невольничий рынок от Массилии до Сиракуз. Узнать его лицо среди тысяч других. И если он мёртв... тогда я мечтаю убить как можно больше римлян. Чтобы каждого из них, кто брал в руки меч против галлов, отправить к его проклятым богам.

Это была мечта, выкованная из ненависти и боли, столь же мощная и разрушительная, как и сам Крикс. Спартак кивнул.

– Для этого нам нужна не просто банда, Крикс. Нужна сила, которая заставит Рим дрожать. Которая сможет не просто убивать легионеров, а диктовать условия. Тогда мы сможем не искать твоего брата по рынкам, а потребовать у Рима списки всех рабов-галлов и забрать своих.

Крикс смотрел на него с новым, жадным интересом.

– Ты действительно веришь, что такое возможно?

– Я не верю. Я знаю, – спокойно сказал Спартак. – Но для этого твои галлы должны научиться слушать свисток центуриона так же чутко, как слушают зов своей боевой трубы. Сможешь заставить их?

– Смогу, – хмуро пообещал Крикс. – Или сломаю им шеи.

Позже, в кузнице, где кипела работа – переплавляли трофейное железо в наконечники для пилумов и ремонтировали доспехи, – Спартак нашёл Эномая. Тот, стоя у горна, с удивительной ловкостью выковывал из раскалённого металла изящную фибулу – застёжку для плаща.

– Мастер на все руки, – заметил Спартак.

Эномай вздрогнул и чуть не уронил заготовку.

– Командир! Это... так, безделушка. – Он смутился, как ребёнок, пойманный за игрой.

– Для кого? Для одной из тех рабынь, что прибились к нам на прошлой неделе? – улынулся Спартак.

– Нет! – Эномай покраснел. – Это... я делаю для себя. Чтобы помнить.

– Помнить о чём?

Эномай положил клещи, вытер пот со лба.

– Я был не просто воином, командир. Мой отец был кузнецом и ювелиром в нашем поселении. Он делал торквесы для вождей, украшения для жён. Я с детства помогал ему. Мечтал стать искуснее отца, чтобы мои узоры славились по всей Трансальпийской Галлии. Потом пришли римляне. Отца убили за отказ выковать мечи для легионеров. Меня продали. Мечта сгорела в том же горне, что и наша мастерская. – Он взял в руки почти остывшую фибулу, на которой угадывался сложный узор из сплетённых линий. – Теперь я мечтаю... просто сделать что-то красивое. Что не предназначено для того, чтобы убивать. Чтобы эта штука просто держала чей-то плащ на плечах, грела в холод, и всё.

Спартак смотрел на грубые, искорёженные пальцы галла, которые с такой нежностью держали хрупкое изделие.

– Когда-нибудь, Эномай, ты откроешь свою мастерскую. И будешь ковать не оружие, а красоту. Это будет знаком того, что наша война окончена и мы победили.

– Ты действительно так думаешь?

– Я в это верю, – сказал Спартак. Но в его голове уже крутились мысли о том, что кузнечные навыки Эномаю можно направить на создание более совершенных метательных частей для катапульта или даже на эксперименты с примитивной ручной пищалью. «Красота подождёт, – думал он. – Сначала нужно выжить».

Прошло ещё несколько дней. Лагерь жил своей суровой, размеренной жизнью. Но Спартак понимал, что сидеть в осаде, даже добровольной, – тупик. Нужны были ресурсы, информация и постоянное давление на врага. Он начал отправлять небольшие, хорошо вооружённые группы на разведку и «заготовку провианта». Под последним подразумевались налёты на мелкие римские поместья (виллы рустики) в окрестностях, где можно было добыть зерно, инструменты, железа и – что не менее важно – освободить новых рабов.

Однажды такая группа под командованием Бренна вернулась не только с добычей, но и с пленным – старым, испуганным италикком, пастухом, который пас овец у подножия горы. Его привели к Спартаку.

– Мы его нашли, когда он подсматривал за нами из-за скал, – доложил Бренн. – Мог донести римлянам.

Пастух, трясясь, упал на колени.

– Пошадите, господа! Я не шпион! Клянусь всеми богами! Я просто... я видел дым ваших костров и хотел узнать, кто вы такие!

Спартак присел перед ним на корточки, чтобы быть на одном уровне.

– Вставай. Как тебя зовут?

– Луций, господин. Просто Луций. Из поселения у реки Сарн.

– И что ты хотел узнать, Луций?

Старик, с трудом поднявшись, посмотрел на него умными, как у старого барсука, глазами.

– Ходили слухи... что на горе собрались те, кто побил римских солдат. Кто сжёг лагерь Глабра нечестивым огнём. Люди говорят... говорят, вы – не люди. Вы – духи горы, пришедшие покарать Рим.

Спартак обменялся взглядами с Криксом и Эномаем, стоявшими рядом.

– Мы не духи, Луций. Мы такие же люди, как и ты. Рабы, гладиаторы, пастухи. Те, кого Рим согнул в ярмо.

Лицо Луция изменилось. Страх стал уступать место жгучему любопытству и какой-то смутной надежде.

– Значит... это правда? Вы бьете легионеров?

– Это правда, – кивнул Спартак. – И будем бить дальше.

– А... а вы трогаете местных? Простых людей?

– Мы не воюем с теми, кто не воюет с нами. Мы берём только у римлян и их приспешников. У рабовладельцев.

Луций вдруг плюнул на землю с такой яростью, что все вздрогнули.

– Проклятые воры! Проклятый Гней Публий, претор прошлого года! Забрал у меня лучших овец за «налог». А когда я попросил отсрочку, его слуги избили моего сына до полусмерти. Он теперь хромой, не может нормально пахать! – Глаза старика наполнились слезами бессильной ярости. – А потом... потом этот песок Публий продал мою дочь! В город, в услужение! За долги, говорит! За долги, которых не было!

В наступившей тишине было слышно только тяжёлое дыхание Луция. Спартак медленно поднялся.

– Отпустите его. Дайте ему еды – хлеба, вяленого мяса. И проводите до безопасного места.

– Командир! – возразил Бренн. – Он же донесёт!

– Нет, не донесёт, – сказал Спартак, глядя прямо на Луция. – Правда, старик?

Луций выпрямился. В его фигуре появилась неожиданная твёрдость.

– Я не донесу. Но я кое-что расскажу. В трёх милях к востоку, в долине, стоит вилла того самого Гая Публия. Он сейчас в Риме, а в вилле осталась его управляющая-гречанка, десяток рабов-сторожей и полные амбары. Хлеба, оливкового масла, вина – на год вперёд. И оружия там есть, в подвале. Он коллекционирует. – Луций хищно усмехнулся. – И забор там хлипкий. Для вида.

Информация была бесценной. Спартак поблагодарил старика и, как и обещал, отпустил с продовольствием. Когда тот ушёл, Крикс высказался первым:

– Это ловушка.

– Возможно, – согласился Спартак. – Но слишком специфичная, чтобы быть выдумкой испуганного пастуха. Ненависть в его глазах была настоящей. Он стал нашим первым союзником из италиков. Эномай, что ты думаешь?

– Риск есть. Но и добыча может изменить всё. У нас кончается железо для наконечников. А вино и масло поднимут дух.

Спартак принял решение.

– Готовим вылазку. Но с умом. Бренн, твоя манипула идёт на разведку. Только посмотреть, нет ли засады, сколько сторожей, как расположены посты. Никаких контактов. Вернётся – разработаем план.

Разведка подтвердила слова Луция. Вилла была богатой, плохо охраняемой и представляла собой идеальную цель. Спартак собрал совет из двадцати лучших бойцов. План был простым и дерзким: атака ночью, с двух сторон. Группа Крикса – отвлекает сторожей у главного входа шумом и ложным приступом. Группа Спартака и Эномая – проникает с тыла, через тот самый «хлипкий забор», обезвреживает внутреннюю охрану и открывает ворота. Скорость и тишина – главные союзники.

В ночь перед вылазкой в лагере царило нервное ожидание. Это был первый активный выпад за пределы горы. У костра, где грелись бойцы манипулы Эномая, завязался разговор о мечтах. Инициатором выступил молодой сириец Махар, помощник из «огненной» мастерской.

– А я, – сказал он, помешивая угли палкой, – мечтаю купить себе корабль. Небольшой. И плавать вдоль побережья. От Сирии до Египта, от Египта до Киренаики. Торговать. Шёлком, пряностями, стеклом. Чтобы в каждом порту меня ждала... ну, не жена, конечно, но добрая

знакомая. – Он мечтательно улыбнулся. – И никаких тебе начальников, никаких приказов. Только ветер, солёный воздух и звон монет в сундуке.

– Утопия, – хмыкнул угрюмый германец по имени Одоакр. – Тебя либо пираты ограбят, либо римские мытари обдерут как липку. Лучше мечтать о своём клочке земли. Чтобы родил тебя, кормил, и ты на нём помер. Просто и ясно.

– А я хочу научиться читать, – негромко сказал Дазий, фракиец. Все обернулись к нему. – Серьёзно. Видел я в Капуе, как писец на рынке читал объявления. Смотрит на значки и говорит слова, как будто они живые, запертые в этих значках. Это ж какая сила? Знать то, что думал человек за сто лет до тебя. Я бы... я бы хотел записать наши законы. Те, что командир устанавливает. Чтобы они остались. Настоящие, нерушимые. Высечь на камне.

Эта мысль – о законах, о чём-то, что переживёт их самих, – поразила даже циников. Мечты разбегались, как ручьи от горного родника: кто-то хотел семью, кто-то – отомстить, кто-то – просто покоя. Объединяло их одно: все эти мечты были возможны только в мире без Рима.

Вылазка прошла, как по нотам. Сторожи были захвачены врасплох. Гречанка-управляющая в ужасе сдалась, увидев в своём спальне гиганта-фракийца с ледяными глазами. Подвал виллы действительно оказался складом оружия: десятки гладиусов, пилумов, несколько прекрасных испанских мечей и – что стало главным трофеем – три полных комплекта лорика сегментата, римских пластинчатых доспехов превосходного качества. Амбары ломились от зерна, масла, вина в амфорах и вяленого мяса.

Но самым ценным оказались люди. Когда повстанцы ворвались в рабские хижинки, чтобы освободить невольников, они ожидали увидеть страх. Вместо этого их встретили глаза, полные немного вопроса и готовые вспыхнуть надеждой. Среди рабов были италики, галлы, греки. Они молча, быстро, с какой-то лихорадочной поспешностью помогали грузить добычу на телеги, брошенные у виллы. Один старый садовник, пока они работали, подошёл к Спартаку.

– Господин... а вы заберёте нас с собой?

– Мы не господа, – ответил Спартак. – Мы такие же, как вы. Хотите – идите с нами. Не хотите – берите, что можете унести, и исчезайте.

– Мы пойдём с вами, – старик сказал это так, как будто произносил клятву. – Только скажите, куда.

Обратный путь на гору превратился в триумфальное шествие. Они вели с собой два десятка новых бойцов и ещё столько же женщин и детей – семьи некоторых рабов. Телеги, гружёные добром, скрипели. На вершине их встречали как героев. Увидев добычу, особенно амфоры с вином и мешки с белой мукой, лагерь взорвался ликованием. Впервые за много недель у них было не просто пропитание, а изобилие.

Спартак позволил устроить пир. Кострам на этот раз гореть не запрещалось. Зажарили нескольких откормленных свиней с виллы. Вино лилось рекой. Звуки флейты, которую кто-то прихватил, и барабанный бой сливались в дикую, радостную музыку. Люди смеялись, пели песни на разных языках, которые странным образом сливались в общую мелодию свободы.

Спартак, Крикс и Эномай сидели чуть в стороне, на краю плаца, наблюдая за праздником.

– Сегодня они увидели не только кровь и пот, но и награду, – сказал Эномай, отпивая вина из чаши. – Это важно.

– Да, – согласился Крикс, жуя кусок мяса. – Но римляне не простят этого наглого удара. Пришлют кого-то посерьёзнее Глабра.

– Пусть присылают, – спокойно ответил Спартак, глядя на танцующие у костров фигуры. На лицах людей, даже старых и измождённых, сияла улыбка. Он видел, как Махар, сириец, что-то оживлённо рассказывает новой девушке-рабыне с виллы, жестикуюлируя руками, изображая, наверное, свой корабль. Видел, как Дазий внимательно слушает старого писца, которого они забрали, и тот что-то чертит ему палкой на земле. Видел, как Старый Вер сидит в тени, просто смотрит на звёзды и молчит, и на его лице – недостижимое спокойствие.

– Пусть присылают, – повторил он. – Чем больше они будут посылать сюда легионов, тем сильнее будем становиться мы. Потому что теперь мы воюем не просто за жизнь. Мы воюем за это. – Он кивнул в сторону праздника. – За право есть, пить, смеяться и мечтать под своим небом. И за это люди будут сражаться до последнего вздоха. А мы... мы дадим им не только мечты. Мы дадим им победу.

Огонь костра отражался в его глазах, делая их похожими на два горящих угля. Внизу, в тёмной равнине, покоилась спящая Кампания, не подозревавшая, что на её груди разгорается неуправляемый пожар. А на вершине горы, среди пепла древнего вулкана, рождалась новая сила, скреплённая не только дисциплиной и страхом, но и самыми простыми, самыми хрупкими и самыми несокрушимыми человеческими мечтами. И во главе этой силы стоял тот, кто знал цену и тем, и другим. Легион Спартака перестал быть обороняющимся – он сделал свой первый шаг в наступление. И Риму пора было узнать об этом.

Глава 5: Тень орла и зов крови

Пир длился до рассвета. Везувианский легион, ещё вчера довольствовавшийся скудными пайками, вкусил не только вина и мяса, но и сладость первой крупной победы, добытой не в обороне, а в нападении. Это изменило их. В походке появилась развязность, в глазах – вызов. Они были уже не загнанными зверями, а хищниками, сделавшими первый удачный выпад.

Но Спартак, стоявший на краю кратера и смотревший, как первые лучи солнца золотят дымку над Кампанией, чувствовал не эйфорию, а нарастающее внутреннее давление. Это было странное, двойственное ощущение. Часть его, вышколенный аналитик Алексей Вяткин, просчитывала логические цепочки: «Рим ответит. Следующий командир будет серьезнее. Возможно, легион под началом пропретора или даже консула. Нужно укрепить периметр, увеличить запас «огня», начать тренировать конных разведчиков из тех, кто умеет обращаться с лошадьми».

Но была и другая часть. Глубинная, животная, пришедшая с кровью и памятью фракийского тела. Она не мыслила цифрами и тактическими схемами. Она чувствовала. И сейчас она чувствовала тень. Огромную, холодную, как крыло гигантской птицы, накрывающее с севера. Это не был страх. Это было предостережение. Ощущение, знакомое ему ещё по Чечне – за несколько секунд до взрыва фугаса или внезапного обстрела, когда тело, не успев осознать разумом, уже сжималось в комок, готовое к броску. Только сейчас это «предчувствие» было растянуто во времени, тлело на горизонте его внутреннего восприятия, как гроза, которая ещё не грянула, но уже наполнила воздух озоном.

«Интуиция командира», – отмахивался от этого Алексей. Но слишком уж часто эта «интуиция» начала обретать смутные образы. Мелькания, будто отблески на воде: железная дисциплина, нечеловеческая жестокость, бесчисленные ряды щитов под знаком не орла, а... краба? Нет, не краба. Скопиона. И холодная, расчётливая ярость, направленная не на победу в бою, а на тотальное уничтожение.

Красс, – пронеслось в сознании, хотя историческая память Алексея о восстании Спартака была отрывочной. Имя всплыло из глубин, как пузырь со дна. С ним ассоциировалось что-то очень опасное и беспощадное.

Эти мысли прервал голос Эномая:

– Командир. Крикс. Ему... нехорошо.

Спартак обернулся. Эномай стоял с беспокойством на лице.

– Он много пил вчера. Но дело не в этом. Он с утра молчит, смотрит на север. И глаза у него... пустые.

Спартак спустился в лагерь. Крикс сидел на камне у потухшего костра, обхватив голову руками. Его мощная фигура казалась ссутулившейся, рыжие волосы растрёпаны.

– Крикс?

Галл медленно поднял голову. Его лицо было бледным, под глазами – тёмные круги. Но не от похмелья. В его голубых, обычно пылающих яростью или азартом глазах, Спартак увидел то же самое, что чувствовал сам: животный, неосознанный ужас.

– Ты тоже чувствуешь? – хрипло спросил Крикс, не отводя взгляда.

– Что именно?

– Давящее. Будто гора на плечи легла. И... звук. Далекий. Как будто... скрежет тысяч мечей о точильные камни. Или... скрип колёс. Огромного обоза. – Он содрогнулся. – Это не с похмелья, фракиец. Это... дурной знак. Духи моих предков шепчут. Они боятся.

Спартак присел рядом. Он не верил в духов предков. Но верил в подсознание, способное улавливать микропризнаки и складывать их в целостную картину раньше разума. Возможно,

Крикс, как дикий зверь, уловил то, что ещё не дошло до них в виде донесений разведчиков: масштабную подготовку Рима.

– Это не духи боятся, Крикс. Это они предупреждают. Рим собирает армию. Большую. Ты слышишь её дыхание. Мы все его слышим.

– И что мы будем делать? Сидеть здесь и ждать, пока они окружат гору настоящей стеной?

– Нет, – твёрдо сказал Спартак. В его голосе зазвучала та самая сталь, которая заставляла людей подчиняться. – Мы не будем ждать. Мы заставим их плясать под нашу дудку. Но для этого нам нужно стать сильнее. И умнее.

Он поднялся и позвал Эномая:

– Собери всех командиров групп. И приведи Леонтия и Махара. Пришло время для нового шага.

Через час в пещере-мастерской, куда был запрещён вход кому бы то ни было, кроме избранных, собрались ключевые фигуры: Крикс, Эномай, Бренн, Дазий, старый грек Леонтий и юный сириец Махар. В воздухе пахло селитрой, серой и чем-то ещё, едким и тревожным.

Спартак стоял перед грубо сколоченным столом, на котором лежали три кучки порошка: чёрная (уголь), жёлтая (сера) и белая (селитра).

– Мы использовали жидкий огонь, – начал он. – Он хорош против людей и дерева. Но что, если враг построит каменную стену? Или будет атаковать плотным строем, который не прорвать одним лишь пламенем? Нам нужно нечто, что не только жжёт, но и разрушает. Что сеет не просто панику, а слепой, всеокрушающий ужас.

Он смешал порошки в определённой пропорции в деревянной чаше, тщательно растёр их пестиком.

– В мире есть силы, помимо силы мышц и остроты стали. Сила расширяющегося воздуха. Сила внезапного удара, который приходит из ниоткуда. – Он насыпал немного смеси в небольшой глиняный кувшин с узким горлом, заткнул его тряпичной пробкой, из которой торчал скрученный паклевый фитиль. – Леонтий, Махар. Повторите пропорцию. И запомните: малейшая искра – и вас разорвёт на куски ещё до того, как вы успеете понять, что произошло. Это не игра.

Грек и сириец, бледные от ответственности, кивнули. Спартак взял кувшин и вышел из пещеры на небольшую скальную площадку за лагерем, куда выводили только испытуемых. За ним, соблюдая дистанцию, шли остальные.

Он поставил кувшин в расщелину между камней, под углом к пустому склону.

– Все – за укрытие.

Они спрятались за выступ скалы. Спартак чиркнул огнивом, поджёт фитиль и быстро отошёл, присоединившись к ним.

Тишина длилась несколько томительных секунд. Крикс уже хотел что-то язвительно сказать, как вдруг...

БА-БАХ!

Звук был не таким оглушительным, как у современной гранаты, но для древнего мира – чем-то запредельным. Это был не раскат грома, а сухой, рвущий уши, животный хлопок, от которого содрогнулась земля под ногами. Глиняный кувшин исчез, на его месте взметнулось облако едкого серого дыма, а по склону, со свистом и воем, понеслись осколки глины и камней, вывороченные взрывной волной. В воздухе повис запах гари и какой-то химической горечи.

Когда дым рассеялся, на скале была видна чёрная подпалина и свежие сколы. Все молчали, оглушённые. Эномай первым нашёл голос:

– Юпитер... громовержец... Это... это твой гнев?

– Это не гнев богов, – сказал Спартак, выходя из-за укрытия. Его уши заложило, но лицо оставалось спокойным. – Это знание. Сила, заключённая в пыли. Называйте это как хотите. «Гром с ясного неба». «Дыхание дракона». Но это наше новое оружие.

Крикс подошёл к месту взрыва, потрогал обугленный камень. В его глазах пустота и страх сменились диким, хищным азартом.

– Этой штукой... можно разбить ворота? – спросил он, и голос его дрожал от возбуждения.

– Можно. Если сделать заряд больше и правильно его подложить. Можно обрушить стену. Можно посеять хаос в самом плотном строю. – Спартак обвёл взглядом всех. – Но это наша последняя тайна. Главный козырь. О нём не должно узнать ни один посторонний. Леонтий, Махар, вы будете отвечать за производство... «громового пороха». Вам в помощь – пять самых молчаливых и надёжных людей. Выбирайте сами. Но если кто-то проболтается – умрёте все.

В тот день Весувианский легион приобрёл не просто новое оружие. Он приобрёл сакральное знание, доступное лишь жрецам нового культа, адептами которого стали закопчённый грек и впечатлительный сириец. Слух о «громе с ясного неба» быстро разнёсся по лагерю, обрастая легендами. Говорили, что Спартак призвал на помощь циклопов, и те вырвали кусок скалы и швырнули его с такой силой. Это укрепляло миф о полубожественном статусе вождя, но также рождало и суеверный страх.

В последующие дни Спартак усилил тренировки. Теперь они отрабатывали не только строй и манёвры, но и действия в условиях «огня и дыма». Он учил их не бояться собственного оружия: закладывали дымовые шашки (простая смесь сырого мха, влажных листьев и того же пороха без селитры) и учились атаковать сквозь завесу, ориентируясь на звуки и заранее заданные направления.

А внутреннее давление, тень с севера, тем временем росла. Оно начало проявляться не только в ощущениях, но и в снах.

Однажды ночью Спартаку приснилось, что он стоит на берегу широкой, медленной реки. Вода в ней была густой и тёмной, как кровь. С противоположного берега на него смотрели бесчисленные лица в одинаковых железных шлемах. Безликие, холодные. И над этим войском развевалось не знамя, а гигантская сеть, сплетённая из серебряных нитей. Она медленно плыла через реку, накрывая всё на своём пути, и от её прикосновения вяли травы, и каменели птицы в полёте. Он попытался крикнуть, предупредить, но из горла не выходило ни звука. Проснулся он в холодном поту, с чётким, как приказ, знанием: «Они идут. И они не остановятся, пока не сотрут нас в порошок. Не для победы. Для устрашения всего мира».

Наутро он увеличил число дозоров и отправил самых быстрых разведчиков ещё дальше на север, с заданием под видом бродячих торговцев или пастухов проникнуть в города и слушать: не идёт ли набор в легионы, не стягивают ли к Кампании войска.

Сам же он сосредоточился на укреплении духа своих людей. Он понимал, что техническое превосходство – ничто без стойкой психики. Он начал проводить не только военные советы, но и нечто вроде вечерних собраний у костра, где поощрял людей говорить о том, что они видят в будущем. Не о мечтах вдалеке, а о конкретных шагах завтрашнего дня.

На одном из таких собраний слово взял Дазий, фракиец.

– Командир, мы сидим на горе, как орлы в гнезде. Мы сильны здесь. Но... орёл же не сидит в гнезде вечно. Он летает. Он ищет добычу. Когда мы полетим?

Этот вопрос витал в воздухе давно. Люди окрепли, почувствовали силу. Им стало тесно на вершине вулкана.

– Мы полетим, – уверенно ответил Спартак. – Но полёт нужно рассчитать. Куда? На север, через Апеннины, к Альпам и к свободной Галлии? Или... – он сделал паузу, – ...или на юг, где больше богатых городов, больше рабов, готовых к нам присоединиться, и где можно ударить по самому сердцу римской гордости – по Сицилии, по житнице Рима?

В рядах слушающих произошло мгновенное размежевание. Галлы во главе с Криксом зашумели:

– На север! К Альпам! Домой! – кричали они.

Италики, греки, выходцы с Востока смотрели на юг. Там было тепло, там были знакомые земли, там можно было пожить.

– На севере – свободные племена! Они присоединятся к нам! – горячился Крикс, вскакивая.

– На севере – дикие горы и озлобленные германцы, которые режут всех подряд! – парировал Эномай, желавший скорее не к галльским холмам, а к возможности осесть где-нибудь в плодородной долине.

– На юге нас ждёт море! И флот Рима! – крикнул кто-то.

– На юге – золото и слава! – ответил другой.

Назревал первый серьёзный раскол, и Спартак чувствовал его не только умом, но и той самой мистической «тенью», которая теперь будто простирала свои щупальца внутрь его лагеря, раскалывая единство. Он поднял руку, и спор стих.

– Мы примем решение. Но не сегодня. И не под влиянием винных паров или тоски по дому. Мы примем его на военном совете, когда разведка вернётся и мы увидим всю картину. А сейчас – дисциплина. Единство. Помните: пока мы вместе – мы непобедимы. Рим ждёт, когда мы сами перегрызём друг другу глотки. Не дадим ему такого удовольствия.

Его слова подействовали, но трещина была обозначена. Крикс ушёл, хмурый и недовольный. В его глазах Спартак увидел не просто спор о маршруте. Он увидел начало сомнений в самом главном – в его праве единолично вести их к цели, которую он сам до конца не определил.

Через несколько дней вернулись разведчики. Новости были тревожными. Из Рима действительно выступил отряд под командованием претора Публия Вариния. Опытный, хоть и не гениальный военачальник. Он вёл с собой два легиона, усиленные вспомогательными войсками – около десяти тысяч человек. И шёл он не спеша, методично, укрепляя посты на дорогах, словно не гнался за мятежниками, а загонял их в гигантскую, неспешно сжимающуюся ловушку.

Но это была не та «тень». Спартак это понял сразу. Вариний был угрозой, но предсказуемой. Тень же, давящая на сознание, была связана с другим. И она приближалась.

И тогда с ним случилось нечто, что стёрло последнюю грань между трезвым расчётом Алексея и мистическим ощущением Спартака.

Он проверял новые, более прочные горшки для «громовых зарядов», которые делал Эномай. Вдруг, в самый разгар дня, его накрыла волна дурноты. Земля ушла из-под ног, звуки лагеря стали глухими, как из-под воды. Перед глазами поплыли видения, но на этот раз не смутные, а чёткие, как память.

Он видел не себя, а как бы со стороны. Высокий, холёный римлянин в белоснежной тоге, но с лицом полководца, стоял на склоне холма. Его глаза, холодные и жадные, смотрели на горевший где-то вдалеке посёлок. Не с гневом, а с удовлетворением бухгалтера, подсчитывающего прибыль. Этот человек поднимал руку, и по его сигналу центурион выводил из строя десяток своих же солдат. Жребий... децимация. И лица этих обречённых, не понимающих, за что, но покорных железной дисциплине...

Потом образ сменился. Тот же римлянин, но в доспехах, смотрел на гигантский вал, пересекающий перешеек. Инженерное чудо, построенное за рекордное время. И за этим валом – не армия, а загнанный в угол зверь. И в глазах римлянина – не триумф воина, а холодное удовольствие охотника, который наконец-то загнал дорогую дичь в приготовленную клетку.

Спартак очнулся, опираясь о стену кузницы. Сердце колотилось, как в лихорадке. Эномай и ещё несколько человек смотрели на него с испугом.

– Командир! Ты в порядке? Ты побледнел...

– Вода, – хрипло попросил Спартак. Ему поднесли бурдюк. Он отпил, и мир постепенно вернулся в фокус. Но знание осталось. Жгучее, неоспоримое.

Марк Лициний Красс. Он уже в пути. И он принесёт с собой не войну. Он принесёт машину уничтожения. И первую свою жертву в этой машине он принесёт ещё до встречи с нами, чтобы закалить её в безусловном послушании и страхе.

Это было больше, чем интуиция. Это было знание. Как будто дух самого времени, сама ткань истории, прошедшей и будущей, на мгновение приоткрылась ему, чтобы показать главного антагониста. Не потому, что он был ясновидящим. А потому, что в нём, в этом слиянии двух душ, образовалась некая трещина, щель, через которую просачивалось то, что обычный человек ощутить не мог.

С этого момента он стал не только стратегом. Он стал провидцем в собственных глазах. И это знание обрекло его на тяжелейший выбор: как готовиться к угрозе, о которой не могут знать даже его ближайшие соратники?

Он собрал Крикса и Эномая и рассказал им о Варинии, опустив видения о Крассе.

– Два легиона. Десять тысяч. Они хотят взять нас в осаду и заморить голодом. Мы не можем этого допустить.

– Значит, нужно бить их по частям, пока они не собрались, – мгновенно отозвался Крикс, жаждущий действия.

– Нет, – сказал Спартак. – Мы не будем бить их по частям. Мы заманим их сюда, к подножию. И устроим им такой приём, что Рим десять лет будет рассказывать о нём страшные сказки. Мы используем нашу землю. Нашу гору. И наше новое оружие.

Он разработал план, который был дерзок до безумия. Он приказал искусно ослабить охрану одной из троп, ведущих наверх, создав видимость, что её плохо сторожат. Одновременно с этим он начал готовить на склонах Везувия «сюрпризы»: замаскированные ямы-ловушки, завалы, которые можно обрушить в нужный момент, и позиции для метателей «огненных горшков» и, на самый крайний случай, «громовых зарядов».

Но пока шла подготовка, Крикс, всё больше заражённый идеей похода на север, начал действовать самостоятельно. Без ведома Спартака он отправил нескольких своих доверенных галлов в разведку именно в северном направлении, чтобы найти самый лёгкий путь через горы. И однажды эти галлы не вернулись. Попали в засаду отряда Вариния. Одного убили, двоих взяли в плен.

Когда Спартак узнал об этом от своего собственного разведчика, ярость его была холодной и беззвучной. Он вызвал Крикса в свою палатку. Тот вошел, уже готовый к обороне.

– Ты послал людей на север. Без моего приказа. Из-за этого трое либо мертвы, либо под пытками выдают всё, что знают о нас.

– Мои люди! Я имею право! – взорвался Крикс. – И мы должны знать, куда отступать, когда римляне прижмут!

– Отступать? – Спартак встал. Его фигура, казалось, заполнила всю палатку. – Кто сказал тебе об отступлении? Мы готовимся дать бой!

– Бой здесь? На этой проклятой горе? Это самоубийство! Нас заблокируют и сотрут в порошок! Нужно уходить, пока есть время! В Галлию! Там наши братья! Там свобода!

– Свобода? – голос Спартака стал опасным шёпотом. – Ты думаешь, в Галлии нас ждут с распростёртыми объятиями? Они увидят толпу оборванных беглых рабов, за которыми гонятся римские легионы, и захлопнут перед нами ворота! Или продадут нас Риму за обещание мира! Свободу не дарят, Крикс. Её завоёвывают. И завоевать её можно, только сломав хребет тому, кто её отнял. Здесь. В Италии. У всех на виду!

Их спор был не просто тактическим разногласием. Это была битва двух мировоззрений: прагматичного, нацеленного на тотальную войну с империей (Спартак) – и instinctive, рвущегося к родным пенатам, к простому, понятному спасению (Крикс).

– Ты ведёшь нас к гибели, фракиец! – крикнул в итоге Крикс, уже не сдерживаясь. – Ты играешь в полководца со своими построениями и горшками с вонючей дымной дрянью! Но в итоге мы все сложим головы за твоё тщеславие!

– Выйди, – тихо сказал Спартак. Больше он не повышал голоса. Но в его тишине было больше угрозы, чем в любом крике.

Крикс, побагровев, выскочил из палатки.

Эномай, бывший свидетелем сцены, тяжело вздохнул:

– Он не слушается. Он уведёт своих галлов. Их почти треть лагеря.

– Я знаю, – сказал Спартак, глядя на щель в пологе палатки, в которую ушёл Крикс. Его внутреннее «чутьё», обострённое недавними видениями, ясно показывало ему эту развилку. Это был тот самый исторический раскол. И теперь он должен был решить: попытаться силой удержать Крикса, вызвав гражданскую войну внутри лагеря, или... отпустить. Использовать его уход как часть своего плана.

Мысль была циничной, стратегической, достойной Алексея Вяткина. Если Крикс уйдёт на север, он оттянет на себя часть сил Вариния. Станет отвлекающим манёвром, живым щитом. Многие из его галлов погибнут. Но это ослабит римлян перед решающим сражением на Везувии и очистит лагерь от потенциально ненадёжного элемента.

Но другая часть, та, что была просто Спартаком, фракийцем, содрогалась от этой мысли. Это были его люди. Его братья по несчастью. Послать их на смерть...

Он закрыл глаза. Перед ним снова встал образ холодных глаз Красса и серебряной сети, плывущей через реку крови. Нельзя было быть мягким. Нельзя было позволить чувствам погубить всех. Война – это выбор меньшего зла. Всегда.

– Пусть идёт, – тихо сказал он Эномаю. – Но мы не поможем ему. И не попросимся. Он выбрал свой путь. Мы выберем свой. Готовь людей. Вариний уже близко. И наша настоящая война... она начинается не с ним. Она уже идёт. И мы должны в ней выстоять. Любой ценой.

Этой ночью Спартак снова не спал. Он стоял на краю кратера, и ветер, дувший с севера, нёс теперь не только предчувствие, но и горький вкус грядущей разлуки и крови, которую ему предстояло пролить – и вражеской, и, возможно, братской. Он был больше не просто человеком. Он стал оружием, стратегией, провидением. И эта ноша была тяжелее любых лат. Но сбросить её он уже не мог. Потому что за его спиной спали тысячи тех, чьи мечты – о тишине, о семье, о красоте, о просто куске своей земли – теперь целиком зависели от него. И от его готовности стать не только их богом и дьяволом для врагов, но и холодным, расчётливым палачом их собственных иллюзий.

Глава 6: Раскол и первый гром легионов

Тишина после ухода Крикса повисла над лагерем, как тяжёлый, непролившийся дождь. Треть лагеря – почти тридцать галлов, его самых яростных и необузданных бойцов – ушли с первыми лучами солнца. Они ушли без стыда, но и без триумфа, угрюмой, сплочённой толпой. Ушли, бросив на прощание вызовы и проклятия в адрес «сумасшедшего фракийца», зарывшегося в своей горе. Крикс не простился со Спартаком. Их последний взгляд, встретившийся через утренний туман, был красноречивее любых слов: в глазах галла – упрямая уверенность в своей правоте и жажда родных лесов; в глазах Спартака – холодное понимание стратегической необходимости этой жертвы и горечь от того, что жертва эта – живые люди.

Лагерь опустел и притих. Оставшиеся – италики, греки, фракийцы, германцы, сирийцы – смотрели на Спартака с немым вопросом и скрытым страхом. Если мог уйти Крикс, сильнейший из них, значит, что-то не так. Значит, трещина прошла через самое сердце их силы.

Спартак собрал всех на плацу. Он стоял перед ними не в доспехах, а в простой тунике, лицо было усталым, но непроницаемым.

– Они ушли, – сказал он, и его голос, тихий и хрипловатый, был слышен в самой дальней точке площади. – Крикс и его галлы выбрали свой путь. Путь на север, к Альпам. Они верят, что свобода ждёт их там, за горами. Я не стану их проклинать. Каждый воин имеет право выбрать, за что умирать. – Он сделал паузу, дав словам просочиться в сознание. – Но мы с вами выбрали другой путь. Мы не бежим от Рима. Мы бросаем ему вызов. Мы остаёмся здесь, на этой горе, не потому что прячемся. Мы остаёмся, потому что это наша крепость. Наш молот. И отсюда мы нанесём удар, от которого содрогнутся стены самого Капитолия.

Он обвёл взглядом сотни лиц, ища в них не покорность, а понимание.

– Римляне думают, что мы ослабели. Что раскол – это наше поражение. Они уже идут сюда, два легиона под командованием претора Вариния, чтобы добить «остатки мятежников». Они ждут, что мы будем метаться в страхе или побежим, подставив спины. – В его голосе впервые прозвучала ледяная, уверенная насмешка. – Так давайте покажем им, насколько они ошибаются. Давайте встретим их так, чтобы их дети и внуки боялись темноты, вспоминая имя Везувия. Мы дадим им не бой. Мы дадим им ад, сошедший на землю. И после этого никто и никогда не посмеет считать нас просто беглыми рабами. Мы станем легендой. Легендой, которую будут бояться. И легенде не нужны те, кто в неё не верит.

Он не призывал к мести за ушедших. Он предлагал нечто большее – абсолютную, тотальную победу, которая затмит саму память о расколе. И это сработало. В глазах людей страх стал сменяться мрачной решимостью. Если уж суждено умирать, то лучше умирать, сея ужас в сердцах врагов, чем бежать, как затравленные псы.

– Эномай! – крикнул Спартак.

– Здесь, командир!

– Ты теперь – командир правого фланга. Все галлы, оставшиеся с нами, и самые стойкие германцы – под твоё начало. Ваша задача – быть наковальней. Выдержать первый удар и не дрогнуть.

– Будет сделано.

– Бренн! Ты ведёшь левый фланг. Италики и греки. Вы – молот. Когда Эномай сковат их, вы бьёте с фланга, быстро и жестоко.

– Понял!

– Дазий! Твоя группа лучших метальщиков и все, кто управляет с пращами, – на вершинах скал. Ваша задача – не давать им строить осадные машины, осыпать градом камней и свинца, когда они пойдут на штурм.

– Да, командир!

– Леонтий, Махар! – Он обернулся к своим «огненным жрецам». – Вы и ваши люди – наша главная тайна. Готовьте «гостеприимство». Вдвое больше, чем планировали. Я покажу вам, где его расставить.

Так началась лихорадочная подготовка. Но на этот раз Спартак действовал не только как тактик, но и как режиссёр апокалипсиса. Его мистические озарения, видения, теперь направлялись в практическое русло. Он словно видел слабые места в римской тактике до того, как римляне сами их осознали.

Он провёл Эномая и Бренна по заранее размеченным позициям на склонах.

– Здесь, у этого поворота тропы, они будут вынуждены сжать строй. Здесь мы заложим «пояс». – Он показал на едва заметные углубления в земле, прикрытые дерном и хворостом. В них помещались большие глиняные сосуды, начинённые не только горючей смесью, но и острыми обломками железа, камнями. – Фитили будут длинными, спрятанными в бамбуковых трубках, проложенных под землёй. Мы подожжём их, когда передний ряд легионеров пройдёт. Огонь ударит им в тыл, посеет панику.

– А здесь, – он указал на широкую, казалось бы, идеальную для построения площадку перед самым лагерем, – мы устроим «громовую ловушку». Не один горшок, а несколько, соединённых вместе, и засыпанных сверху щебнем. Взрыв разбросает камни, как праща гиганта. У них не будет ни щитов, ни строя – будет только мясо и кровь.

Эномай смотрел на эти приготовления с суеверным страхом.

– Командир... откуда ты знаешь, что они пойдут именно здесь?

Спартак посмотрел вдаль, его глаза казались стеклянными, невидящими.

– Я слышу скрип их сандалий по камням. Чувствую запах их кожи и пота. Они идут тесным строем, центурион впереди орёт, чтобы держать линию. Они уверены в себе. Слишком уверены. – Он резко моргнул и вернулся в настоящее. – Они пойдут здесь, потому что это самый логичный путь для осадного войска. Римляне – рабы своих уставов. И в этом их слабость.

Он заставил всех, от командира до последнего раба, участвовать в создании ловушек. Каждый вбитый кол, каждый замаскированный фитиль, каждый камень, уложенный в завал, который предстояло обрушить, – всё это было частью гигантского смертоносного механизма. И участвуя в его создании, люди проникались странным, почти религиозным чувством: они были не жертвами, а творцами своей судьбы. Они строили свою Геенну для непрошенных гостей.

Вечерами, у костров, разговоры теперь вертелись не вокруг абстрактных мечтаний, а вокруг конкретного «завтра».

– А правда, что у них будут «черепашки»? – спрашивал молодой италик, имея в виду тестудо, римское построение щитов.

– Будут, – отвечал старый солдат из числа присоединившихся, служивший когда-то во вспомогательных войсках. – Но наш командир знает, как разбить любую черепаху. Он подсунет ей под панцирь раскалённый уголь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.